

Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая Возвращение сквозь пламя

Ирэн Весёлая
Возвращение
СКВОЗЬ ПЛАМЯ



Ирэн Весёлая

Возвращение сквозь пламя.

<https://litres.ru/74469157>

Аннотация

Сначала приходит звук. Сухой треск, похожий на аплодисменты в пустом зале. А потом — жар. Он лижет подошвы моих ног, забирается под кожу, выпивая кислород. Я кричу, но вместо голоса из горла вырывается серый, едкий дым. Над головой стонет потолок. Огромная, охваченная огнем балка медленно, почти грациозно, отделяется от крыши. Я смотрю вверх и вижу не смерть, а чьи-то глаза в проеме двери. Злые? Испуганные? — Тая, беги! — кричит кто-то. Удар. Темнота. И тишина, в которой плачет ребенок...»

Пятнадцать лет назад я сгорела в том страшном пожаре. По крайней мере, так сказали моему мужу. Все эти годы я жила в «золотой клетке» Санкт-Петербурга, не помня своего имени, одурманенная ложью человека, которого считала своим спасителем. Павел создал меня заново, стер мое прошлое и внушил, что я — его преданная жена.

Но память — коварная штука. Она вернулась ко мне запахом гари и вкусом полыни.

В книге вас ждут: Героиня, восставшая из пепла. Она потеряла всё, но готова сражаться за свое счастье. Мужчина, который не забыл. Суровый, верный, раздираемый чувством вины и

долга. Встреча спустя 15 лет. Оглушительная правда, которая разрушит жизни многих. Одержимый антагонист. Влиятельный враг, который не умеет проигрывать. Сложный выбор. Как вернуть любовь дочери, если она считает матерью другую?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2 (Мирон)	11
Глава 3	19
Глава 4(Валентина)	30
Глава 5(Арина)	35
Глава 6(Павел)	45
Глава 7	51
Глава 8(Мирон)	61
Глава 9	68
Глава 10(Валентина)	76
Глава 11(Мирон)	83
Глава 12(Таисия-Ева)	90
Глава 13(Арина)	98
Глава 14(Павел)	106
Глава 15(Мирон)	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Глава 1

Сначала всегда приходит звук. Сухой, дробный треск, будто кто-то невидимый ломает тысячи карандашей прямо у меня над ухом. Затем — вкус. Едкая, серая горечь оседает на языке, превращая каждый вдох в попытку проглотить раскаленный свинец.

Я бегу. Мои ноги — босые, быстрые, чувствующие каждую щепку на полу. Вокруг ревет оранжевое чудовище. Оно слизывает обои со стен, превращая привычный уют в дымящееся крошево.

— Тая! — этот крик не слышен ушами, он вибрирует под ребрами. — Тая, назад!

Надо сделать всего шаг. Один чертов шаг к двери, за которой кто-то плачет. Но потолок над головой стонет. Огромная деревянная балка, охваченная огнем, медленно, почти грациозно, отделяется от перекрытий. Она плывет в раскаленном мареве, целясь мне прямо в макушку.

Миг — и мир затапливает абсолютный, нестерпимый жар. Я проснулась.

Сердце колотилось о грудную клетку так сильно, что, казалось, кость вот-вот треснет. Я резко села в кровати, хватая ртом воздух. Воздух в спальне был прохладным, стерильным, с тонкой ноткой дорогого антисептика и лаванды. Ни-

какой гари.

Я прижала ладони к лицу. Кожа была влажной от пота.

— Тише, Ева. Это просто сон. Просто химия, — прошептала я, пытаюсь унять дрожь.

Спальня в нашем особняке на Каменном острове была воплощением безупречного, холодного вкуса. Стены цвета «шампань», тяжелые шторы, не пропускающие ни одного лишнего луча петербургского солнца. На прикроватной тумбе из карельской березы — стакан воды и серебряный поднос с таблетками. Все на своих местах. Идеально. Покойно.

Тогда почему мне казалось, что я заперта в склепе?

Дверь бесшумно приоткрылась. В проеме появился Павел. Он уже был полностью одет: темно-синий костюм, белоснежная рубашка. Мой муж всегда выглядел так, будто только что сошел со страницы каталога. Даже в семь утра его лицо было гладким, а взгляд — цепким.

— Опять? — спросил он, проходя в комнату.

Он не спрашивал, он констатировал. Павел сел на край кровати. Его рука, прохладная и сухая, легла мне на лоб.

— Ты вся горишь, дорогая. Опять этот кошмар?

Я кивнула. Горло все еще саднило от фантомного дыма.

— Паш, во сне меня называли Таей...

Павел на мгновение замер. Его пальцы чуть сильнее сжали мое плечо — всего на долю секунды. Затем он улыбнулся. Это была его фирменная улыбка: сочувствующая и непроницаемая.

— Ева, мы обсуждали это с доктором Гороховым. Твой мозг пытается заполнить пустоту после травмы. Пятнадцать лет назад, когда я нашел тебя на месте той аварии, у тебя не было ничего. Ни документов, ни памяти. Тая — это просто звук. Возможно, отголосок какого-то фильма, который ты видела в больнице.

Он протянул мне стакан воды и маленькую белую таблетку.

— Выпей. Это поможет снять тревожность. Сегодня важный день, открытие нового корпуса моей клиники. Ты должна быть в форме. Моя прекрасная жена, лицо «Центра Куприянова».

Я послушно проглотила лекарство. Павел поцеловал меня в висок. Его губы были холодными.

— Иди в душ. Я жду тебя внизу через сорок минут. Завтрак подан.

Когда он вышел, я еще долго сидела, глядя на закрытую дверь. Ева. Это имя должно было быть мне родным, но оно казалось платьем с чужого плеча: красивым, но неудобным в пройме.

Я поднялась и побрела в ванную. Огромное зеркало в золоченой раме встретило меня моим собственным отражением. Женщина тридцати восьми лет. Ухоженная, с безупречной кожей — результат десятков процедур, которые проводили в клинике мужа. Гладкий лоб, правильные губы.

Я коснулась своих щек. Иногда мне казалось, что если я

нажму чуть сильнее, маска треснет и под ней обнаружится кто-то другой. Кто-то, кто помнит вкус деревенского молока и запах прелого сена. Откуда в моей голове эти образы? Павел говорил, что до нашей встречи я жила в нищете и «грязи», от которой он меня спас.

Завтрак проходил в столовой в полном молчании. Павел просматривал что-то в планшете.

— Сегодня удержишься? — спросила я, помешивая ложечкой кофе.

— Да, сложная операция. Не жди меня к ужину, Ева. Ложись пораньше.

После его отъезда дом наполнился гулкой тишиной. Я собиралась подняться в гардеробную, когда заметила пиджак Павла, брошенный на спинку кресла в прихожей. Видимо, он решил сменить его в последний момент на более официальный.

Я подошла, чтобы унести вещь в чистку. Это был машинальный жест заботливой жены. Но, подхватив дорогой кашемир, я почувствовала, как из внутреннего кармана что-то выпало.

На светлый мрамор пола плавно опустился узкий прямоугольник бумаги.

Я наклонилась и подняла его. Чек из ресторана «Ле Мо-не». Вчерашняя дата. Время — 23:15.

Вчера Павел позвонил мне и сказал, что зашивается в операционной. Сказал, что у пациента открылось кровотечение

и он не сможет вырваться даже на десять минут. Я тогда пожелала ему сил и заснула в пустой постели.

Мои глаза бегали по строчкам. «Тартар из тунца — 2 порции. Шампанское Krug — 1 бутылка. Десерт "Павлова" — 1 порция».

Холод, начавшийся где-то в кончиках пальцев, медленно пополз к сердцу. Павел не пьет шампанское — у него аллергия на сульфиты, он всегда берет только минеральную воду или крепкий виски в исключительных случаях. И он никогда не ест десерты.

Но самое странное было не в этом. На обороте чека, быстрым, размашистым почерком Павла было написано: «В следующую пятницу там же. Надень жемчуг».

Жемчуг.

Я невольно коснулась своей шеи. У меня была нитка жемчуга, которую Павел подарил мне на десятилетие нашей жизни в Питере. Но он всегда говорил, что жемчуг — это камни слез, и просил надевать его только на траурные мероприятия.

Значит, была другая женщина. Та, которой жемчуг был к лицу не для слез.

Боже, как все банально... Измена... Подарки другой женщине....

Я стояла в залитой светом прихожей, и мой «идеальный» мир давал первую трещину. Она была тонкой, как волос, но через неё внезапно потянуло тем самым холодом из сна.

Если мой муж — спаситель, святой доктор Куприянов — так легко лжет мне о вчерашнем вечере, глядя прямо в глаза...

О чем еще он лгал мне все эти пятнадцать лет?

Голова взорвалась острой болью. Перед глазами снова вспыхнуло пламя из кошмара, и голос — не Павла, совсем другой, женский голос.. — прошептал в самой глубине сознания:

— Беги, Тая. Беги, пока не поздно.

Я скомкала чек в кулаке. Мои ногти впились в ладонь.

Сегодня вечером на открытии клиники я буду улыбаться. Я буду идеальной Евой. Но теперь я буду смотреть на своего мужа совсем другими глазами. И я найду способ узнать правду.

Ведь измены не случаются на пустом месте. Они всегда — лишь верхушка айсберга, скрывающего под собой черную, ледяную воду правды.

Глава 2 (Мирон)

(от лица Мирона)

Холод в конюшнях всегда был особенным — густым, пахнущим овсом, старой кожей и едва уловимым ароматом дегтя. В пять утра он пробирался под свитер, кусал за пальцы, но именно этот утренний озноб заставлял чувствовать себя живым.

Я вогнал вилы в подсохшую подстилку, раз за разом выкидывая старую солому. Мышцы спины привычно ныли, отзываясь на каждое движение тупой, предсказуемой болью. Это была хорошая боль. Понятная. Если нагрузить тело до предела, в голове не остается места для лишнего. Ты превращаешься в механизм, в тягловую силу, которой нужно просто вычистить стойло, задать овес, проверить попоны.

В этом ритме я жил последние пятнадцать лет.

Буран, вороной жеребец с белой отметиной на лбу, недовольно фыркнул, ударив копытом в дощатый пол. Он чувствовал мое настроение лучше, чем кто-либо из людей. Лошади вообще не умеют лгать — этим они мне и нравились.

— Тише, парень, — я похлопал его по мощной шее. Шерсть под ладонью была гладкой и теплой. — Сегодня важный день. Потерпи.

Буран был моей гордостью. И моей главной болью. Мы с

Тасей мечтали именно о таких конях. Мы рисовали их на полях лекционных тетрадей, когда еще были студентами в Москве. Мы верили, что привезем сюда, в Малаховку, лучшие породы, что построим здесь конный рай.

Рай сгорел пятнадцать лет назад. Осталось только пепелище, на котором я, стиснув зубы, возвел эти стены. Камень к камню. Бревно к бревну. На чистом упрямстве и черной, как сажа, пустоте внутри.

Я вышел из денника, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. В дверном проеме конюшни, залитом бледным рассветным светом, внезапно возник силуэт.

Сердце пропустило удар. На мгновение мир вокруг перестал существовать — исчез запах сена, исчез шум ветра в кронах деревьев. Там, в контровом свете, стояла она. Тонкая фигура, чуть склоненная набок голова, копна волос, которую не усмирить ни одной заколке.

— Тася... — сорвалось с моих губ прежде, чем мозг успел включить предохранители.

Фигура шевельнулась, сделала шаг вперед, и наваждение рассыпалось колючими осколками. В круге света стояла Арина.

— Пап, ты чего? — она улыбнулась, и эта улыбка окончательно вернула меня в реальность. — Опять тут с самого рассвета?

Я выдохнул, чувствуя, как в груди медленно отпускает стальной зажим. Арине сегодня исполнилось восемнадцать.

Она была точной копией матери — тот же разлет бровей, те же искры в глазах, когда она задумывала очередную шалость. Смотреть на нее порой было физически больно, словно каждый день судьба подсовывала мне зеркало, в котором отражалось мое вечное «никогда».

— С днем рождения, дочка, — я подошел и неловко приобнял ее за плечи. От нее пахло домом, ванилью и молодостью. — Ты чего так рано?

— Валя уже накрывает на стол, ворчит, что ты опять завтрак пропустишь. Пошли, именинница требует твоего присутствия.

Я кивнул, вешая вилы на место. Мы пошли к дому через двор, заросший густой травой. Август в Тверской области в этом году выдался щедрым на тепло, но по утрам трава уже седела от тяжелой росы.

Дом встретил нас запахом свежих пирогов — Валя всегда пекла их по особенным случаям. Когда мы вошли на кухню, она стояла у плиты, помешивая что-то в большой кастрюле. Несмотря на жару от духовки, она была в своей привычной кофте с длинными рукавами. Даже дома, среди своих, она никогда не обнажала руки выше запястий.

— Ну наконец-то, — Валентина обернулась, вытирая руки о передник. — Мирон, ну сколько можно? Хоть бы в такой день из конюшни вовремя вышел.

— Прости, Валь. Завозился, — я прошел к умывальнику, смывая с рук пыль и запах дегтя.

Между нами давно не было лишних слов. Пятнадцать лет назад она вытащила меня из бутылки, в которой я пытался утопить свое горе. Она спасла Арину из того ада, подставив под падающую балку собственные плечи. Она была моей женой — по документам, по быту, по той бесконечной благодарности, которую я нес в себе, как тяжелый груз.

Валентина подошла к столу, и край ее рукава случайно задрался, обнажая багровый, бугристый шрам на предплечье. Она тут же одернула ткань, но я успел заметить. Каждый раз, видя эти следы огня на её коже, я чувствовал укол вины. Это должны были быть мои шрамы. Или Тасины. Но достались они Вале.

— Садитесь уже, — она поставила на стол блюдо с пирогами. — Остынет всё.

Мы сели. Арина щебетала о чем-то, разбирая небольшие подарки, которые мы сложили у её тарелки. Я подарил ей серебряный кулон — точно такой же, какой когда-то купил Тасе на нашу первую годовщину. Я нашел его у ювелира в Твери, он был почти идентичен оригиналу. Когда я застегивал его на шее дочери, мои руки дрожали.

Атмосфера в доме была уютной. У нас было всё, о чем мечтают люди: крепкое хозяйство, достаток, уважение в деревне. Но за этим фасадом скрывалась тишина, которую мы научились не замечать. Мы с Валею не ссорились. Мы не бились в страсти. Мы просто жили, подпирая друг друга, как две старые доски в заборе. Она знала, что в моей спальне,

в самом дальнем ящике комода, всё еще лежит обгоревшая лента для воло, которую я нашел на пепелище.. Я знал, что она знает. И мы оба молчали об этом все пятнадцать лет.

— Пап, мам, я хотела вам сказать... — Арина вдруг замолчала, отодвигая тарелку. Её лицо стало серьезным, в глазах появилось то самое упрямство, которое я так хорошо помнил.

Я напрягся. Инстинкт, отточенный годами ожидания беды, подсказал: сейчас что-то изменится.

— Пришло подтверждение из университета, — она вытащила из кармана сложенный листок. — Меня зачислили. На ветеринарный.

— Дочка, это же прекрасно! — Валентина просияла, потянувшись к её руке. — В Тверь? Будешь на выходные приезжать, я тебе сумок набираю...

— Нет, не в Тверь, — Арина посмотрела мне прямо в глаза. — В Санкт-Петербург. Первый медицинский, факультет ветеринарии.

Тишина на кухне стала такой плотной, что её можно было резать ножом. Я почувствовал, как внутри меня что-то с треском лопнуло. Питер.

Для кого-то это был город музеев и белых ночей. Для меня это было логово зверя. Город Павла. Того самого «друга детства», который всегда смотрел на Тасю так, будто она была его собственностью. Павла, который уехал туда, в свои роскошные клиники и богатые кварталы, пока мы здесь глотали

пыль и гарь. Я ненавидел этот город каждой клеткой своего тела, хотя ни разу там не был. Мне казалось, что Питер пахнет предательством и чужими деньгами.

— Нет, — сказал я. Мой голос прозвучал тише, чем я хотел, но в нем был металл.

— Пап, почему? — Арина вскинула подбородок. — Это лучший вуз в стране. Ты сам говорил, что я должна учиться у лучших, если хочу работать с нашими конями.

— Есть Тверь. Есть Москва. Есть Казань. Куда угодно, Арина. Только не в Питер.

— Мирон, ну чего ты? — Валентина робко вмешалась, поглаживая скатерть. — Девочка старалась, экзамены сдала. Это же такая возможность...

— Я сказал — нет! — я грохнул ладонью по столу так, что звякнули чашки.

Арина вздрогнула, но не отвела взгляда. Она была слишком похожа на мать в этот момент. Тася тоже никогда не отступала, если верила в свою правоту. Она выбрала меня, простого парня из деревни, наперекор всем ожиданиям Павла и его богатых родственников. И Арина сейчас выбирала свой путь.

— Я всё равно поеду, — тихо произнесла дочь. — Мне восемнадцать. Я уже взрослая, папа. Я не могу всю жизнь сидеть за забором Малаховки только потому, что ты боишься теней прошлого.

Она встала и вышла из кухни, оставив за собой шлейф

невысказанной обиды. Дверь её комнаты захлопнулась с сухим стуком.

Я остался сидеть, уставившись в свою чашку с остывшим чаем. Валентина вздохнула, подошла сзади и положила руку мне на плечо. Её ладонь была шершавой и сухой.

— Отпусти её, Мирон. Она уже взрослая девушка, сама решает, что ей лучше.

— Ты не понимаешь, Валя, — я сбросил её руку. — Я чувствую. Там воздух другой. Холодный.

Я встал и вышел на крыльцо. Солнце уже поднялось высоко, заливая двор ярким, почти нереальным светом. Конный завод «Таисия» — так было написано на воротах — сверкал свежей краской. Я построил это всё для неё. А в итоге здесь росла дочь, которая рвалась в город, забравший у нас всё.

Я сунул руку в карман, как будто искал там пачку сигарет, хотя бросил курить еще три года назад. Руки всё еще подрагивали.

Я смотрел на восток, туда, где за сотни километров раскинулся Петербург. Внезапно мне показалось, что ветер донес до меня странный запах. Не сена, не сосен, а едкой гари. Будто где-то там, за горизонтом, снова разгорался тот самый пожар, который я считал потушенным.

— Питер... — прошептал я, что ждет там мою дочь?

Необъяснимая тревога, холодная и липкая, заполнила нутро. Я знал, что Арина уедет. Я знал, что не смогу её остановить. Но в глубине души, в том самом месте, где я зажи-

во похоронил свои чувства, заворочалось странное, почти безумное предчувствие.

Будто где-то там, в лабиринте питерских улиц, меня ждал кто-то, чей голос я слышал каждую ночь в своих снах. Кто-то, кто всё ещё звал меня по имени сквозь стену огня и времени.

Я затушил сигарету о перила и пошел обратно в конюшню. Мне нужно было работать. Нужно было загнать себя так, чтобы к вечеру упасть и не видеть снов. Потому что сны сегодня обещали быть кровавыми.

Глава 3

Чек из ресторана «Ле Моне» я спрятала в самый дальний угол своей шкатулки, под двойное дно, где хранились запасные ключи и старая брошь, которую Павел разрешал надевать только по особым случаям. Бумага казалась мне раскаленным углем. Стоило закрыть глаза, и я видела эти размашистые буквы: «Не забудь жемчуг».

Утро началось по обычному сценарию, который за пятнадцать лет превратился в ритуал. Звон серебряной ложечки о край фарфоровой чашки, шелест планшета в руках мужа, запах свежесваренного кофе, который я больше не чувствовала — его перебивал фантомный дым из моего сна.

— Ты сегодня какая-то задумчивая, Ева, — Павел поднял на меня взгляд. Его глаза, обычно холодные и прозрачные, сейчас казались внимательными сверх меры. — Опять плохо спала?

Я заставила себя поднять голову и улыбнуться. Мышцы лица слушались плохо, словно я была марионеткой, которой неправильно натянули нити.

— Просто думаю о заказе в мастерской, Паш. Привезли очень старую книгу, восемнадцатый век. Кожаный переплет совсем рассыпался, боюсь повредить страницы.

Я лгала. Лгала ему впервые так осознанно и холодно. Это

было странное чувство — будто я наконец-то обрела маленькую, крошечную территорию внутри себя, куда ему не было входа. Павел слегка прищурился. Он всегда гордился тем, что читает меня как открытую книгу. Но сегодня страница была плотно склеена.

— Не переутомляйся. Твоё хобби должно приносить радость, а не головную боль, — он промокнул губы салфеткой и встал. — Семён отвезет тебя. И, пожалуйста, не забудь: сегодня в восемь вечера мы должны быть в «Гранд Отеле». Прием в честь фонда.

— Я помню. «Не забудь жемчуг», — сорвалось с моих губ прежде, чем я успела себя остановить.

Павел замер. На его лице не дрогнул ни один мускул, но в столовой внезапно стало так тихо, что я слышала мерное тиканье часов в холле.

— Почему ты так сказала? — голос мужа стал тише, приобретая ту самую вкрадчивую мягкость, которая обычно предшествовала хирургическому разрезу.

— Ты сам всегда так говоришь, когда мы идем на официальные мероприятия, — я пожала плечами, стараясь выглядеть естественно. — Разве нет?

Он еще несколько секунд смотрел на меня, словно пытается разглядеть под кожей мои мысли. Затем коротко кивнул.

— Да. Странно.. Жемчуг тебе не идет. Он подчеркивает твою бледность.

Когда за ним закрылась дверь, я выдохнула. Мои ладони

были влажными. Я чувствовала себя канатоходцем, под которым внезапно исчезла страховочная сетка.

Моя мастерская находилась в тихом переулке неподалеку от Фонтанки. Это было небольшое подвальное помещение с высокими сводами, которое Павел купил мне пять лет назад. Он считал реставрацию книг «безопасным и благородным» занятием для женщины в моем положении. Тишина, отсутствие людей, запах вековой пыли — идеальные условия для того, чтобы я не задавала лишних вопросов.

Здесь пахло костным клеем, спиртом и старой кожей. Этот запах успокаивал. Старые книги были честнее людей: если страница вырвана, это видно сразу. Если текст стерт временем — его можно восстановить по крупичкам, используя лупу и терпение. Со своей памятью я так поступить не могла.

Я надела рабочий фартук и включила лампу над верстаком. Передо мной лежал старый фолиант. Я аккуратно разделяла слипшиеся листы тонким костяным стеклом. Моя работа требовала абсолютной концентрации, но сегодня мысли постоянно возвращались к чеку.

2 порции тартара. Бутылка шампанского.

Павел всегда говорил мне, что его работа — это служение. Что он живет только ради своих пациентов и меня, своей «спасенной жемчужины». А вчера, пока я глотала дым в своем кошмаре, он пил «Крюг» с той, кто не забывает надевать жемчуг по его приказу.

Колокольчик над дверью звякнул, заставив меня вздрогнуть. Слишком рано для заказчиков.

В мастерскую спустился человек, которого я знала почти столько же, сколько Павла. Доктор Горохов. На нем было длинное серое пальто, которое делало его похожим на большую, упитанную моль. Его лицо, всегда мягкое и улыбчивое, вызывало у меня необъяснимую внутреннюю судорогу.

— Ева, дорогая! — он развел руками, проходя к моему столу. — Проходил мимо, решил заглянуть. Павел сказал, что ты сегодня немного... не в духе.

Я медленно отложила стек. «Проходил мимо». На Каменном острове, где он живет, и здесь — разные концы города.

— Здравствуйте, Валерий Аркадьевич. Павел очень заботлив. Даже чересчур.

— Ну-ну, не ворчи, — Горохов по-хозяйски присел на край свободного табурета и достал из кармана фонендоскоп, словно это было самым обычным делом в книжной мастерской. — Давай-ка я тебя послушаю. Пульс, давление... Мы же не хотим рецидива, правда? Твои сны — это маркер. Рассказывай, что ты видела сегодня?

Он смотрел на меня своими водянистыми глазами, и я вдруг поняла: он не врач. Он — надсмотрщик. Павел прислал его не лечить меня, а проверить, насколько глубоко я зарылась в ту щель, которую пробило во мне возвращение памяти.

— Сны прекратились, доктор, — я посмотрела ему прямо

в глаза, не мигая. — Сегодня я спала как младенец. Тишина и покой. Никакого дыма.

Горохов замер, его рука с фонендоскопом зависла в воздухе.

— Совсем? Никаких вспышек? Никаких имен?

— Ничего. Наверное, новый курс витаминов, который прописал Павел, наконец-то подействовал.

Я видела, как в его глазах мелькнуло сомнение, смешанное с облегчением. Он быстро прижал мембрану прибора к моей груди через тонкую ткань блузки. Мое сердце колотилось как безумное, но я заставила себя дышать ровно, представляя перед глазами чистую, белую страницу книги.

— Пульс немного частит, но в целом... — он убрал прибор и что-то пометил в своем маленьком блокноте. — Хорошо, Ева. Очень хорошо. Павел будет рад. Значит, мы на верном пути. Продолжай пить таблетки. Это важно для твоей стабильности.

Когда он ушел, я почувствовала такую опустошенность, будто из меня выкачали всю кровь. Я лгала человеку, который «спас» мою жизнь. И, что самое страшное, я не чувствовала раскаяния. Только холодную, расчетливую ярость.

К обеду в мастерской стало душно. Запах клея начал вызывать тошноту. Я решила выйти на улицу, подышать воздухом Летнего сада, благо он был в десяти минутах ходьбы.

Стоило мне выйти на тротуар, как от обочины медленно отделился черный «Мерседес» Павла. Семён, наш водитель

— человек с лицом из серого бетона — завел мотор и пристроился за мной, соблюдая дистанцию в десять метров.

Я ускорила шаг. Он тоже. Я перешла на другую сторону улицы. Он плавно перестроился.

Это не была забота. Это был конвой.

Я достала телефон, чтобы посмотреть время, и мой взгляд случайно упал на верхнюю панель экрана. Рядом с иконкой сети мигал маленький, едва заметный значок геолокации. Я никогда его не включала. Я вообще плохо разбиралась в технике — Павел всегда сам настраивал мои гаджеты, говоря, что это «для моей безопасности, чтобы он всегда мог прийти на помощь».

Я зашла в настройки. Значок передачи геоданных был активен. Попытка его отключить ни к чему не привела — экран выдал системное сообщение: «Функция заблокирована администратором».

Администратором. Моим мужем.

Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот. Мой телефон, мой дом, моя работа, мой врач — всё это были нити одной огромной паутины, в центре которой сидел Павел. Он не просто лечил меня. Он дрессировал меня, как комнатную собачку, отслеживая каждый шаг, каждый вздох, каждую мысль.

Я почти бегом влетела в кованые ворота Летнего сада. Машина Семёна осталась у входа — на территорию парка въезд был запрещен. Здесь, среди мраморных статуй и ровных ал-

лей, я надеялась обрести хотя бы иллюзию свободы.

Петербург в конце августа был прозрачным и холодным. Небо, цвета разбавленного молока, низко висело над верхушками деревьев. Я шла по аллее, кутаясь в тонкое кашемировое пальто и пыталась унять дрожь в руках. Мраморные нимфы смотрели на меня с безразличием. Они стояли на своих постаментах веками, скованные камнем, и я впервые позавидовала их неподвижности. У них не было памяти, которую нужно было стирать. У них не было мужей, превративших их жизнь в тщательно отредактированный сценарий.

Я свернула на боковую аллею, подальше от центральных дорожек, где прогуливались редкие туристы. Здесь было тише, пахло мокрой листвой и остывающим камнем.

Внезапно тишину нарушил резкий, дробный звук.

Цок... цок... цок-цок.

Ритмичный стук копыт о гранитную крошку. Скрип натянутой кожи и приглушенное фырканье. Из-за поворота, покачиваясь на высоких рессорах, выплыла открытая туристическая повозка. Пара гнедых лошадей шла неспешным шагом, их бока лоснились, а из ноздрей вырывались облачка пара.

Повозка проехала совсем рядом, почти задев подол моего пальто. И в этот момент на меня обрушился запах.

Это не был аромат дорогих духов Павла или стерильная чистота клиники. На меня пахло густым, тяжелым духом конского пота, старой кожи, овса и подсохшей травы. В сте-

рильном, вымытом шампунями Петербурге этот запах казался инородным телом, грязным и пугающе живым.

Мир вокруг меня качнулся.

Дорожка Летнего сада под моими ногами внезапно превратилась в пыльную проселочную дорогу, залитую ослепительным, жарким солнцем. Я почувствовала, как это солнце печет мне макушку, как к лопаткам липнет легкая ситцевая ткань сарафана.

Я не видела себя — я чувствовала себя другой. Сильной, молодой, с кожей, пахнущей ветром и речной водой.

— Тая, ну куда ты лезешь, расшибешься! — мужской голос раздался совсем рядом.

Он был глубоким, низким, с легкой хрипотцой. От этого звука внутри меня все отозвалось томительной, сладкой дрожью, какой я никогда не знала рядом с Павлом. Чьи-то огромные ладони, мозолистые и невыносимо горячие, легли мне на талию, легко приподнимая и переставляя в сторону.

Я обернулась. Я не видела лица — оно было залито золотым светом, превращающим мужчину в сияющий силуэт. Но я видела его руки. Широкие ладони, темные от загара, со светлыми полосками шрамов. Эти руки не держали скальпель — они держали мир. Мой мир.

— Смотри, — прошептал он мне в самое ухо, и его дыхание обожгло кожу. — Красавец. Наш будет. Назовем его Бураном, слышишь? Как снежный вихрь.

Передо мной стоял жеребенок. Тонконогий, смешной, с

мокрым носом и испуганными глазами. Он ткнулся мне в ладонь, и я почувствовала прикосновение его теплых губ.

— Буран... — выдохнула я, и это имя отозвалось в моем сердце колокольным звоном.

— Ева Николаевна! С вами всё в порядке?

Реальность вернулась рывком, таким болезненным, что в глазах потемнело. Я стояла на аллее, вцепившись пальцами в холодную чугунную решетку. Повозка уже укатилась далеко вперед, оставив после себя лишь едва уловимый шлейф навоза и осевшую пыль.

Рядом со мной стоял Семён. Он всё-таки вышел из машины и последовал за мной. Его лицо-бетон не выражало ничего, кроме служебного рвения, но в глазах застыло настоящее ожидание.

— Вы побледнели. Павел Андреевич строго наказал, чтобы вы не переутомлялись. Позвольте, я провожу вас к машине.

Я смотрела на него и не видела. Перед глазами всё еще стоял золотой силуэт мужчины, чьего лица я не помнила, но чьи руки до сих пор грели мою талию.

«Наш будет... Назовем Бураном».

Доктор Горохов лгал. Павел лгал. Это не были «ошибки мозга» или «галлюцинации». Галлюцинации не пахнут конским потом. Они не оставляют на коже ощущение чужого тепла.

— Семён, — я медленно выпрямилась, разжимая пальцы

на решетке. Голос мой был чужим, ледяным. — Скажите... у нас когда-нибудь были лошади?

Семён на секунду замялся. Совсем незаметно, на долю мгновения, но я поймала это замешательство.

— Что вы, Ева Николаевна. Павел Андреевич их недолюбливает. Грязь, шерсть... Вы же знаете. У вас аллергия.

— Аллергия, — повторила я, глядя на свои руки. Безупречные, бледные руки «Евы», которые только что "гладили" мокрый нос жеребенка по имени Буран. — Да. Конечно. Пойдемте к машине.

Я шла к выходу из парка, чувствуя на своей спине тяжелый взгляд водителя. Я знала, что через пять минут он доложит Павлу. Я знала, что вечером меня ждет долгий, изматывающий допрос под видом «заботы».

Но теперь у меня было кое-что поважнее страха.

У меня было имя. Буран. И у меня было осознание: где-то там, за пределами этой золотой клетки, живет человек, который звал меня Таей. Человек, который не резал меня скальпелем, а держал на руках.

И если Павел думал, что за пятнадцать лет он смог стереть меня до основания, он ошибался. Под тонким слоем «Евы» всё еще теплились угли Таисии. И сегодня, в Летнем саду, на них впервые дунул настоящий ветер.

Я села на заднее сиденье «Мерседеса» и закрыла глаза.

— В отель, Семён. Мне нужно подготовиться к вечеру.

Я улыбнулась своему отражению в темном стекле. Теперь

я знала правила игры. Если мой муж — великий хирург, то я стану великим реставратором. Я восстановлю свою жизнь, страницу за страницей. Даже если для этого мне придется сжечь его «стеклянный дом» дотла.

Глава 4(Валентина)

Железнодорожная платформа пахла мазутом и тем особенным, тоскливым холодом, который всегда предвещает разлуку. Грохот приближающегося состава отдавался в моих подошвах мелкой, противной дрожью. В такие минуты старые шрамы на плечах всегда начинали зудеть, словно изуродованная кожа помнила приближение беды раньше, чем разум.

Я сильнее прижала к себе сумку с пирожками.

— Ну всё, мам, не плачь, — Арина легонько коснулась моего плеча.

Она улыбалась — открыто, жадно, глядя куда-то поверх вагонов. В утренних сумерках она казалась до боли, до крика похожей на ту, другую. Пятнадцать лет я растила её как свою. Я выкармливала её, баюкала по ночам, когда ей снились огонь и дым. Но сегодня я видела, как призрак Таисии наконец-то обретает силу, чтобы уйти отсюда. В город, который когда-то её поглотил.

Мирон стоял чуть поодаль. Он не подошел обняться — он никогда не любил нежностей. Когда состав тронулся и рука Арины в последний раз мелькнула в окне, я почувствовала, как внутри меня что-то оборвалось.

Домой мы возвращались в молчании. Мирон уверенно

крутил руль, глядя только перед собой.

Этот дом Мирон строил сам. Каждое бревно, каждый кирпич он укладывал с каким-то остервенением, будто пытался замуровать в фундамент свою боль. Старый дом, в котором он был счастлив с Тасей, сгорел до основания — остались только черные кости печного остова. Мирон сравнивал то пепелище с землей и возвел новое здание.

Он хотел начать с чистого листа, но я знала: этот дом построен на костях его прошлого. Здесь не было старых вещей Таисии, не было её занавесок или чашек — огонь сожрал всё. И всё же в каждой комнате стояла тишина. Звонящая тишина. Ее тишина..она отдавалась эхом во всех углах

Я вышла из машины и привычно пошла на кухню. Работа — моё единственное спасение.

Я посмотрела на свои руки. Огрубевшие, со следами старых ожогов. Когда Тасю «хоронили», я лежала в районной больнице под капельницами. Я не видела того закрытого гроба. Я не видела, как Мирон, вернувшийся из армии на побывку, падал на колени перед свежим холмиком. Я узнала об этом позже, когда он, почерневший от горя и водки, пришел ко мне в палату — единственный, кто у него остался.

Я тогда промолчала. Промолчала о том, что Павел Куприянов, этот московский «зольетар», подозрительно быстро всё уладил. Я просто вцепилась в Мирона, как в спасательный круг. И за пятнадцать лет он так и не полюбил меня. Он просто привык к моему присутствию, как привыкают к

старой мебели.

Вечером Мирон пришел с завода поздно. От него пахло сеном и усталостью.

— Вкусно, Валь. Спасибо, — сказал он, отодвигая тарелку со щами.

Это было его обычное «спасибо». Вежливое, сухое. Я была удобной. Я была надежной. Но я не была ЕЙ.

Ночью в спальне было особенно тихо. Я лежала, глядя в потолок, и слушала ровное дыхание Мирона. Он лежал на самом краю кровати, оставляя между нами невидимую стену.

— Мирон... — тихо позвала я, коснувшись его плеча.

Он не вздрогнул. Просто открыл глаза.

— Я устал, Валя. Спи.

Он отвернулся, натягивая одеяло. А я осталась лежать, чувствуя, как внутри всё вымерзает. Пятнадцать лет я пыталась доказать ему, что я живая. И каждый раз натыкалась на эту стену.

Утром, чтобы заглушить тоску, я решила разобрать коробки в чулане. Там лежало то небольшое, что мы перевезли из моей старой квартиры после свадьбы.

Среди старых квитанций и документов я наткнулась на пожелтевший конверт. Сердце вдруг зашлось в неровном ритме.

Это письмо пришло четырнадцать лет назад. Почти год спустя после пожара. Я тогда уже жила с Мироном. Мы толь-

ко начали строить этот дом.

Я вспомнила тот день. Мирон уехал в город, а я встретила почтальона. Письмо было из Санкт-Петербурга. На конверте не было обратного адреса, только неразборчивое имя отправителя.

Я тогда испугалась. Испугалась, что это какая-то весточка от Павла, который захочет забрать Арину. Я не распечатала его. Я просто спрятала его в свои документы, убедив себя, что оно «потерялось».

Мои пальцы дрожали, когда я наконец вскрыла конверт спустя четырнадцать лет.

Внутри был листок бумаги, вырванный из медицинского блокнота. Почерк был аккуратным, женским — явно писала медсестра или санитарка.

«Мирон Антонов, здравствуйте. Я работаю в частной клинике в Петербурге. Пишу вам на свой страх и риск. Около года у нас лечится женщина. Она без памяти, сильно обгоревшая, но сейчас идет на поправку. Её муж, господин Куприянов, называет её Евой, но недавно в бреду она звала какую-то Арину и шептала ваше имя. Я видела ваше фото у неё в медальоне, который врачи сняли перед операцией. И паспорт...Он был немного обгоревшим по краям..Я успела подсмотреть адрес..и имя Ее звать Таисия,мне это очень показалось странным....Если вы её ищете — она здесь. Но будьте осторожны, Куприянов очень влиятельный человек...»

Дрожь пробрала меня по всему телу.Буквы поплыли пе-

ред глазами.

Четырнадцать лет назад какая-то добрая душа пыталась вернуть Таисию домой. Она была жива. Она была в Питере. А я... я просто спрятала это письмо под стопку старых газет.

Я посмотрела на листок, потом в окно. Там Мирон чинил забор. Его жизнь, верная и тяжелая, была построена на моей лжи. Я не просто заняла место подруги. Я украла у него шанс узнать правду.

Арина в Петербурге. Она в том самом городе, где Павел Куприянов прячет свою «Еву».

Я судорожно запихнула письмо обратно в конверт. Руки горели, шрамы на спине чесались так, будто по ним снова полз огонь.

Беда не просто стучалась в мою дверь. Она уже вошла в дом, и я сама открыла ей путь, когда отпустила дочь к её настоящей матери. Расплата началась. И пламя этого нового пожара будет куда страшнее того, в котором я когда-то выжила.

Глава 5(Арина)

(от лица Арины)

Общежитие пахло старыми учебниками, хлоркой и жареной картошкой — запахом, который, кажется, навечно въелся в эти крашенные масляной краской стены. Моя комната на четвертом этаже была крошечной, с узким окном, выходящим во двор-колодец, где звук шагов отдавался гулким эхом, как в пустом ведре.

Я сидела на кровати, разглядывая банку с вареньем и сверток с пирожками, которые мама засунула мне в сумку в самый последний момент. В Малаховке эти пироги казались обыденностью, а здесь, в Петербурге, они пахли домом так пронзительно, что у меня защипало в носу.

Достала из чемодана кулон, который папа подарил мне на восемнадцатилетие. Тяжелое старое серебро, тонкая чеканка. Я надела его, чувствуя, как холодный металл ложится в ямку между ключицами. Папа сказал, что он почти такой же, как был у... неё. У моей настоящей матери.

В Малаховке об этом говорили редко. Мама Валя была со мной всегда, сколько я себя помнила. Её шрамы на плечах были для меня картой моего спасения. Она была моей матерью по праву любви и боли. Но глядя в зеркало, я видела чужачку. Папа часто замирал, глядя на меня, и в его глазах вспыхивала такая невыносимая тоска, что мне хотелось из-

виниться за то, что я существую.

Телефон в кармане завибрировал.

— Да, мам, — ответила я, прижимая трубку к уху.

— Ариша, ты как? — голос мамы Вали дрожал. Она всегда была тревожной, но сейчас в её интонациях слышалось что-то новое. Какая-то надломленность. — Ты поела? В комнате тепло? Мирон всё утро в конюшне, места себе не находит...

— Всё хорошо, мам. Я обживаюсь. Завтра уже первая лекция. Не переживай так, я же не в космос улетела.

— Петербург — это почти космос, дочка, — тихо произнесла она. — Там всё другое. Люди, воздух. Ты... ты будь осторожнее. Не заговаривай с незнакомцами. И кулон не снимай, папа расстроится, если потеряешь.

Мы проговорили еще минут пять, но ощущение неправильности не покидало меня. Мама Валя всегда была моей опорой, но сейчас она звучала так, будто сама нуждалась в защите. Словно мой отъезд вскрыл в ней какую-то старую, плохо зажившую рану.

Оставаться в четырех стенах было невыносимо. Город звал меня. Он гудел за окнами, обещая ответы на вопросы, которые я даже не решалась сформулировать.

Я вышла из общежития и пошла в сторону Невы. Ветер здесь был не таким, как в деревне. В Малаховке он пах хвоей, речной тиной и лошадьми. Здесь он был острым, соленым и пах старым камнем. Петербург казался мне огромным серым

гигантом, который прилег отдохнуть у воды, но в любую минуту мог проснуться и раздавить меня своим величием.

Странно, но я не чувствовала себя здесь чужой. Я шла по Университетской набережной, мимо тяжелых гранитных сфинксов, и ловила себя на мысли, что знаю, какой вид откроется за следующим поворотом. Словно я уже видела эти колонны, эти мосты и это свинцовое небо в какой-то другой жизни. Дежавю накрывало меня волнами, заставляя сердце биться чаще.

Я остановилась у самого спуска к воде. Нева сегодня была беспокойной, мелкие волны с тихим плеском бились о ступени. Я поправила шарф, и в этот момент резкий, шальной порыв ветра, прилетевший со стороны залива, хлестнул меня по лицу.

Я вскинула руку, чтобы пригладить растрепавшиеся волосы, и почувствовала, как что-то тонкое и холодное соскользнуло с моей шеи.

Раздался сухой металлический щелчок. Замок цепочки, поврежденный или просто не выдержавший напряжения, лопнул.

Серебряный кулон, мой оберег, подарок отца, скользнул по ткани джинсовки и упал на гранитные плиты.

— Нет! — вскрикнула я, бросаясь вперед.

Кулон, словно живой, покатился к самому краю набережной. Еще секунда — и он исчезнет в темной, мутной воде Невы. Я видела, как он подпрыгивает на неровностях камня,

приближаясь к бездне.

Я уже почти коснулась его пальцами, когда чья-то туфля — изящная, из дорогой замши — мягко, но уверенно прижала цепочку к плите.

Я замерла, стоя на коленях и тяжело дыша. Прямо перед моим лицом была кромка чужого пальто — кашемирового, цвета горького шоколада.

— Осторожнее, девочка. Вы могли упасть, — голос был тихим, мелодичным и удивительно спокойным.

Я подняла голову.

Надо мной стояла женщина. Она была так красива той особенной, петербургской красотой, которая кажется одновременно хрупкой и вечной. Бледная кожа, тонкие черты лица, безупречная укладка каштановых волос, которые ветер трепал с какой-то почтительной осторожностью. На её шее мягко мерцала нитка идеально ровного жемчуга.

Но поразило меня не это. Глаза. Они были цвета грозового неба, такие же, как у моего отца. И в то же время — абсолютно мои.

Женщина наклонилась, подняла кулон и протянула его мне на ладони. Её рука в тонкой кожаной перчатке заметно дрожала.

— Держите. Это очень красивая вещь. Старая работа?

Я поднялась с колен, отряхивая джинсы. Мои пальцы коснулись её ладони, когда я забирала кулон, и по телу словно прошел разряд статического электричества. Волоски на ру-

ках встали дыбом.

— Спасибо... Огромное спасибо. Это подарок папы. Я бы себе не простила, если бы потеряла его.

Женщина не уходила. Она смотрела на меня так, будто пыталась разгадать сложную шараду. Её взгляд скользил по моему лицу, по волосам, возвращался к кулону.

— У вас сломался замок, — заметила она, и в её интонации проскользнуло что-то странное... почти материнское. — Давайте я помогу. Если просто завязать узлом, вы его точно потеряете.

Она вынула из сумочки маленькую английскую булавку — золотую, крошечную.

— Повернитесь, пожалуйста.

Я послушно повернулась спиной. Её пальцы коснулись моей шеи, и я невольно вздрогнула. У неё были ледяные руки, но от самой женщины исходило тепло, которое я не могла объяснить. Она пахла не только дорогими духами, но и чем-то еще... чем-то знакомым из самого глубокого детства. Запахом чистого белья и сухих трав.

— Вы не местная, да? — спросила она, возясь с цепочкой. Её голос доносился откуда-то сверху, обволакивая меня.

— Да. Я только вчера приехала. Поступила в университет.

— Откуда же вы?

— Из деревни, из-под Твери. Малаховка, — ответила я, не понимая, зачем пускаюсь в подробности с незнакомкой.

За спиной воцарилась тишина. Руки женщины на моей

шее замерли.

Я почувствовала, как её пальцы судорожно сжались, едва не уколов меня булавкой. На мгновение мне показалось, что она перестала дышать.

— Малаховка... — эхом отозвалась она. Голос стал глухим, почти безжизненным, словно из него разом выкачали весь воздух. — Какое... странное название. Красивое.

Она закончила возиться с замком и отступила на шаг. Я обернулась. Женщина выглядела так, будто увидела привидение. Её бледность стала пугающей, почти меловой, а глаза расширились, впитывая в себя серый свет набережной.

— Вам плохо? — я сделала шаг к ней, движимая безотчетным порывом помочь. — Может, присесть? Здесь есть скамейка.

— Нет-нет, — она быстро вскинула руку, будто отгораживаясь от меня. — Просто... спазм. Голова закружилась от ветра. Не обращайтесь внимания.

Она достала из сумочки платок — тонкий батист с вышитой лилией — и прижала его к губам. Я смотрела на её руки и не могла отвести взгляда. Длинные, изящные пальцы, безупречный маникюр. И ни одного шрама. У мамы Вали руки были другими — сильными, рабочими, отмеченными огнем. Эта женщина казалась существом из другого мира, сделанным из фарфора и шелка.

— Как тебя зовут, девочка? — вдруг спросила она.

Она смотрела на меня с такой жадной, болезненной неж-

ностью, что мне стало не по себе. Словно она пыталась запомнить каждую черточку моего лица, каждую ресничку.

— Арина.

Женщина закрыла глаза и едва заметно качнулась.

— Арина, — повторила она, пробуя имя на вкус, как редкое вино. — Красивое имя. Очень.

В этот момент к набережной, мягко шурша шинами по асфальту, подкатил массивный черный «Мерседес». Из машины вышел мужчина — высокий, серый, с лицом, которое невозможно запомнить. Он двигался бесшумно и быстро, как тень.

— Ева Николаевна, пора ехать. Павел Андреевич беспокоится, — произнес он, бросив на меня короткий, колющий взгляд.

Женщина — Ева — вздрогнула, и маска ледяного петербургского спокойствия мгновенно вернулась на её лицо. Она выпрямилась, поправила жемчужную нить на шее.

— Да, Семён. Иду.

Она снова посмотрела на меня. На долю секунды мне показалось, что она хочет что-то сказать. Что-то очень важное, ради чего она готова была бросить этот дорогой автомобиль и своего водителя. Но она лишь слабо улыбнулась.

— Береги свой кулон, Арина. Это... ценная вещь. И будь счастлива в этом городе. Он не всегда такой холодный, каким кажется.

Она повернулась и пошла к машине. Семён почтительно

открыл перед ней дверцу. Я стояла, сжимая в руке серебряный кулон, и смотрела, как она исчезает в недрах кожаного салона.

Автомобиль плавно тронулся с места.

Я всё еще стояла на набережной, чувствуя, как ветер забирается под куртку. В голове был какой-то шум, словно я только что вышла из-под ледяного душа. Почему я рассказала ей про Малаховку? Почему позволила этой незнакомке трогать цепочку? Папа бы точно не одобрил. Он всегда говорил, что в Питере нельзя доверять никому, особенно «гладким» людям.

Я подняла кулон и посмотрела на него. Металл всё еще хранил тепло её пальцев.

В машине было тихо и пахло дорогим деревом. Таисия — теперь уже Ева — прижалась лбом к холодному стеклу окна. Сердце в груди билось неровно, сбиваясь с ритма, как раненая птица.

«Малаховка. Тверская область. Арина».

Имена падали в её сознание, как тяжелые камни в колодец, поднимая со дна ил воспоминаний, который Павел так долго и тщательно укладывал.

Она видела эту девочку в зеркало заднего вида. Арина стояла у парапета, ветер трепал её волосы, и в какой-то момент она подняла руку, чтобы убрать мешающую прядь с глаз. Жест был таким знакомым, таким её собственным, что Таисия едва не закричала.

Она видела себя. Только ту, из другой жизни. Которую не резали скальпелем, не травили таблетками и не одевали в жемчуг, как куклу.

— Ева Николаевна, вы в порядке? — голос Семёна прозвучал как удар хлыста. — У вас пульс участился, я вижу по датчику на вашем браслете.

Таисия опустила взгляд на изящный золотой ремешок на запястье. Павел контролировал даже её сердцебиение.

— Всё хорошо, Семён. Просто... город сегодня слишком серый. Устала.

Она закрыла глаза, стараясь удержать в памяти лицо девушки. Эти глаза — цвета грозового неба. Глаза, которые она видела каждое утро в зеркале, но которые сегодня впервые посмотрели на неё с любовью и страхом.

«Это не воображение, — пульсировало в висках. — Горохов лгал. Павлик лгал. У меня был ребенок. У меня была жизнь в этой... Малаховке».

Она прижала ладонь к груди, прямо поверх жемчуга. Под пальцами она чувствовала не холод камней, а фантомную тяжесть серебряного кулона, который она только что держала в руках. Точно такого же, какой она видела на своем собственном фото — том единственном, которое Павел разрешил ей оставить.

— Малаховка, — прошептала она одними губами, так, чтобы не услышал водитель.

Теперь она знала, куда ведут нити её снов. И никакие таб-

летки Павла больше не могли заглушить голос крови, который закричал в ней сегодня на берегу Невы. Глава её жизни, которую она считала вырванной и сожженной, внезапно вернулась к ней живым, теплым человеком.

И Таисия поняла: она сделает всё, чтобы эта глава не закончилась новой трагедией. Даже если ей придется пойти против человека, которого она привыкла считать своим богом и спасителем.

Глава 6(Павел)

(от лица Павла)

Город за панорамным окном моего кабинета напоминал вскрытую грудную клетку: пульсирующие артерии проспектов, всполохи неоновых огней, похожие на разряды дефибриллятора, и свинцовый холод Невы. Здесь, на двадцать четвертом этаже медицинского центра «Куприянов», тишина стоила дороже, чем любое оборудование. Это была тишина абсолютной власти.

Я посмотрел на экран планшета. Тонкая зеленая линия пульса Евы бежала ровно. Семьдесят два удара в минуту. Мой браслет на её запястье работал безупречно, транслируя мне её состояние каждые тридцать секунд. Она была дома. Она была в безопасности. Она была моей.

Я привык контролировать всё: от глубины разреза скальпелем до температуры вина в нашем погребе. Но сегодня внутри меня, где-то в районе солнечного сплетения, поселилось странное, колющее чувство. Как будто в идеально настроенном механизме поселилась соринка.

Я налил себе минеральной воды. Лед в стакане звякнул, напомнив мне о звуке, с которым пятнадцать лет назад лопались оконные стекла в Малаховке.

Тогда, в ту роковую ночь, я не планировал становиться преступником. Я просто хотел забрать своё. Я любил ее. Таи-

сия была недостижима,она видела перед собой только Мирона,этого бедняка,этого конюха...А меня, успешного,красивого из богатой семьи она видела лишь как друга.Меня это всегда бесило,я не понимал,почему она выбрала его.. Таисия была слишком хороша для той глухомани, для конюшен и для Мирона — этого прямолинейного солдафона, который умел только крутить хвосты коровам и отдавать честь. Она была жемчужиной, которую судьба по ошибке бросила в навоз.

Та ночь до сих пор стоит перед глазами..

Я вспомнил, как нашел её. Она лежала в траве, в стороне от полыхающего дома. Она была без сознания, лицо в саже, на руках — ожоги. Чуть поодаль, у самого крыльца, я видел Валентину,ее подругу. Та, шатаясь и задыхаясь от кашля, выносила из огня маленькую Арину, прижимая её к себе и закрывая своим телом от летящих искр.

Мне было плевать на Валентину. Мне было плевать на ребенка. В тот момент, когда рушилась кровля, я видел только Таисию. Я понял: это мой единственный шанс. Мирон в армии, деревня в панике, а она — уязвима и лишена памяти о том, что произошло секунду назад.

Я не повез её в местную больницу. Я погрузил её в свой внедорожник и гнал до самой Твери.

Горохов тогда работал старшим патологоанатомом в областном морге. Мы были знакомы по Москве, я знал о его «маленьких слабостях» — карточных долгах и любви к до-

рогим напиткам.

— Паша, ты с ума сошел? — шептал он мне в ту ночь, глядя на Таисию, которую я спрятал в его кабинете. — Её же будут искать! Это похищение!

— Её не будут искать, Валера, если они её похоронят, — я тогда положил перед ним сумму, на которую можно было купить половину Твери. — В морге всегда есть «подснежники». Невостребованные тела. Найди женщину её роста и телосложения. Обгоревшую, неопознанную — мне плевать. Сделай так, чтобы Мирон Антонов закопал в землю пустой символ, а я получил свою женщину.

Горохов колебался недолго. Через сутки «тело Таисии Антоновой» было официально опознано и подготовлено к выдаче родственникам. Ее хоронили в закрытом гробу и никто ничего не заподозрил. Мирон же прилетевший на похороны так был убит своим горем, что не видел вокруг ничего.... А Горохов..... Я купил его совесть, его диплом и его будущее. И теперь он был привязан ко мне крепче, чем любым контрактом.

Я создал Еву. Я стер деревенскую простушку и нарисовал на чистом холсте светскую львицу. Пятнадцать лет я кормил её ложью, как лекарством. Я выстроил вокруг неё стены из жемчуга и шелка.

Тихий стук в дверь заставил меня обернуться.

— Войдите.

В кабинет бесшумно скользнул Семён. Мой начальник

охраны. Он положил на мой стол тонкую папку.

— Отчет за сегодня, Павел Андреевич. Ева Николаевна посещала мастерскую. Затем была прогулка в Летнем саду.

Я открыл папку. На первом же снимке я увидел её. Ева стояла на набережной. Но моё внимание привлекло не это. На втором фото она была не одна.

Рядом с ней стояла девушка. Тонкая, с копной каштановых волос, в дешевой джинсовке. Она смотрела на Еву, и этот взгляд... Я почувствовал, как по позвоночнику пробежал холод. Это было лицо Таисии из моей юности. Почти идеальное совпадение.

— Кто это? — мой голос прозвучал как шелест скальпеля по ткани.

— Студентка. Приехала из Малаховки, — Семён стоял по стойке «смирно». — Случайное столкновение. Микрофоны на браслете зафиксировали несколько слов. Девушка назвала свое имя. Арина.

Я сжал стакан так сильно, что костяшки пальцев побелели. Арина. Тот самый ребенок, которого Валентина вытащила из огня. Она выжила. Она выросла. И она пришла в мой город, чтобы разрушить мою иллюзию.

Значит, Ева лгала. Сегодня утром, когда я спрашивал её о снах, она смотрела мне в глаза и врала. Она начала вспоминать. Она начала скрывать. Соринка в механизме оказалась стальной пулей.

Я вспомнил чек из ресторана, который я, по своей непро-

стительной халатности, оставил в пиджаке. Она наверняка его нашла. Она думает, что я ей изменяю. Пусть думает. Это отвлечет ее от других мыслей. Это обычная семейная драма..... Но если она поймет, что эта девчонка на набережной — её дочь... Вот это будет драма. Я не должен этого допустить.

— Семён, — я медленно встал. — Девушку — под полный контроль. Любой контакт с Евой должен быть немедленно пресечен. И найди Горохова. Пусть будет у меня через пятнадцать минут.

Через четверть часа в кабинет вошел Горохов. Он постарел, осунулся. Он боялся меня, и этот страх был моим лучшим инструментом.

— Павел Андреевич, — он нервно теребил пуговицу халата. — Что-то случилось?

— Блокировка памяти дала сбой, Валера. Правда говорят "мир тесен" Она встретила свою дочь на улице, — я подошел к нему вплотную. — Твои «витамины» больше не работают. Нам нужно усиление.

— Но, Паша, — он заикнулся. — Большая доза нейролептиков... это может вызвать когнитивный спад. Она станет заторможенной. Люди заметят. Она же лицо вашей клиники.

— Она — моя жена. И я сам решу, какой ей быть, — я положил руку ему на плечо и слегка сжал. — Подготовь новый курс. Скажешь ей, что это инновационная реабилитация от мигреней. Мы введем её в легкий туман. Пусть мир для неё

станет немного размытым. Так ей будет спокойнее. И нам — тоже.

— Когда начинать? — прошептал он.

— Завтра утром. Я сам прослежу за первой инъекцией.

Горохов ушел, пятась. Я снова остался один.

Я открыл ящик стола и достал оттуда старую, пожелтевшую фотографию, которую хранил все эти годы. На ней Таисия смеялась, сидя на заборе в своей Малаховке. В её глазах был свет, который я так и не смог до конца погасить в Еве.

Я медленно порвал фото на мелкие кусочки.

— Ты никогда не вернешься туда, — прошептал я темноте кабинета. — Ты — Ева Куприянова. Ты принадлежишь мне. И если для того, чтобы удержать тебя, мне придется превратить твой разум в белое облако, я сделаю это. Из любви, Тая. Только из любви.

Я посмотрел на монитор. Линия пульса была всё так же спокойна. Ева спала. Она еще не знала, что завтра её мир окончательно погрузится в туман, в котором не будет места ни лошадям, ни девочкам с набережной, ни человеку, чьё имя она так настойчиво пыталась вспомнить.

Я выключил свет. В кабинете стало холодно и темно, как в операционной после неудачной операции. Но я знал: в моей игре проигравших не будет. Потому что я сам пишу правила.

Глава 7

Утро вошло в спальню не солнечным светом, а тихим, вкрадчивым шелестом шагов. Я еще не успела открыть глаза, но уже кожей почувствовала присутствие двоих. Один пах можжевельным одеколоном и уверенностью — Павел. Другой — несвежим халатом и застарелым страхом — доктор Горохов.

— Ева, дорогая, просыпайся, — ладонь мужа легла мне на плечо. Прохладная, властная. — Мы решили не откладывать. Валерий Аркадьевич привез новый состав. Это лучшее, что сейчас есть в Европе для восстановления нейронных связей.

Я открыла глаза. Потолок плыл. В свете утренних сумерков лицо Горохова казалось маской, вылепленной из серого воска. Он не смотрел мне в глаза, суетливо возился со шприцем, выбивая пальцем крошечный пузырек воздуха из иглы.

— Я не хочу уколов, Паша, — прошептала я, пытаюсь отодвинуться. — Мне лучше. Правда. Голова почти не болит.

— Это иллюзия, милая, — Павел мягко, но непреклонно перехватил мою руку чуть выше локтя. — Твои вчерашние обмороки в саду говорят об обратном. Ты истощена. Твой мозг не справляется с нагрузкой. Один укол — и ты почувствуешь, как уходит это вечное напряжение.

Я посмотрела на иглу. В ней дрожала прозрачная, как сле-

за, жидкость. Я знала, что это ложь. Я чувствовала это каждой клеткой своего тела, которое после вчерашней встречи на набережной кричало о жизни, а не о болезни. Но в этом доме моё «не хочу» всегда разбивалось о его «я знаю, как лучше».

Укол был почти безболезненным. Короткий укус стали, и холодная волна медленно поползла по вене, вверх к плечу, а затем — прямо в основание черепа.

— Вот и всё, — Павел поцеловал меня в лоб. — Теперь отдохни. Через час ты почувствуешь себя обновленной.

Они ушли. Тишина захлопнулась, как крышка люка.

Обновленной? Нет. Я чувствовала, как мир вокруг начинает терять свои острые углы. Звуки стали ватными, свет — мутным, а мысли... мысли начали расползаться, как мокрая бумага. Я отчаянно цеплялась за образ девочки с набережной. Арина. Её глаза. Её кулон. Если я сейчас засну, Павел сотрет её из моей головы, как он стер всё остальное.

«Не смей, — приказала я себе, кусая губу до крови, чтобы болью пробить этот вязкий туман. — Ты должна её найти. Малаховка. Она сказала — Малаховка»....

Три недели пролетели как один затянувшийся, липкий сумрак. Время в особняке на Каменном острове перестало быть рекой, оно превратилось в стоячее болото, подернутое ряской химического забытья.

Каждое утро начиналось одинаково. Стук в дверь, тихий лязг медицинского подноса и голос Павла, патологически

ласковый: - Пора принимать витамины, Ева.

Забавно. Он говорил , но после каждого укола Горохова мир вокруг меня терял свои очертания. Я жила в коконе. Я улыбалась, когда Павел шутил, я ела то, что мне подавали, я гуляла по саду под присмотром Семёна, и внутри меня росла пугающая пустота.

Павел был доволен. Я видела это по тому, как он расслабился. Он больше не допрашивал меня по вечерам, он просто любовался мной, как удачно прооперированным пациентом.

Но он не знал одного. В этом вязком тумане у меня остался единственный якорь. Одно имя, которое я шептала про себя, когда игла входила в вену. Арина. И одно слово, которое жгло мне мозг сильнее всего. Малаховка.

Я научилась обманывать. Это произошло инстинктивно, как у зверя, попавшего в капкан. Вчера, когда Горохов вернулся к окну, я прижала ватку к месту укола сильнее, чем нужно, а ночью, вызвав рвоту, избавилась от вечерней порции таблеток.

Сегодня утром я впервые за долгое время увидела мир не через мутное стекло. Солнце над Невой было острым, холодным, по-сентябрьски злым.

— Семён, — я спустилась в холл, стараясь, чтобы походка была уверенной, а не шаркающей. — В ветеринарную академию.

Водитель оторвался от телефона. Его лицо-маска не дрог-

нуло, но я заметила, как он быстро набрал сообщение, прежде чем открыть мне дверцу «Мерседеса».

— Павел Андреевич знает о вашем выезде? — спросил он, глядя в зеркало заднего вида.

— Павел Андреевич хочет, чтобы я больше бывала на воздухе, — ответила я, глядя на свои бледные руки. — Разве он не говорил тебе?

Семён промолчал. Машина плавно тронулась. Я знала, что он доложит. Но я также знала, что Павел сейчас на сложной многочасовой операции. У меня было время.

Ветеринарная академия встретила меня шумом студенческой толчеи и запахом осени — прелой листвы и мокрого асфальта. Сентябрь в Петербурге уже всюю диктовал свои правила: прохожие кутались в плащи, а небо напоминало старую, застиранную простыню.

Я нашла Арину у входа в один из корпусов. За эти три недели она изменилась. Куда-то исчез тот задор, с которым она стояла на набережной. Девочка выглядела осунувшейся, бледной, её джинсовка казалась слишком тонкой для этого пронизывающего ветра. Она сидела на парапете, безучастно глядя на свои кеды, и в её позе было столько одиночества, что у меня физически заныло под ребрами.

— Арина, — позвала я.

Она вздрогнула и подняла голову. В глазах мелькнуло узнавание, а следом — тень стыда. Она быстро спрятала за спину пластиковый стаканчик с дешевым кофе и какой-то

сухой бутерброд в целлофане.

— Ева Николаевна? Здравствуйте. Вы... вы как меня нашли?

— Я запомнила, где ты учишься, — я присела рядом, игнорируя холод камня. — Ты плохо выглядишь, Арина. Город тебя обижает?

Она горько усмехнулась, отводя взгляд.

— Город просто очень дорогой. Папа прислал денег, но учебники стоят как самолет, а комната в общежитии... В общем, я поняла, почему папа так не хотел меня сюда отпустить. Я ищу подработку, но первокурсников никуда не берут. Даже полы мыть — и то очередь.

Я смотрела на её тонкие пальцы, покрасневшие от холода, и внутри меня что-то кричало. Мне хотелось схватить её, укутать в свой кашемир и увезти туда, где тепло. Но я лишь мягко коснулась её рукава.

— Арина, у меня есть предложение. В нашем доме на Каменном острове огромный зимний сад. Мой муж помешан на экзотике, но садовники — они просто роботы. Растения чахнут без души. Мне нужен кто-то, кто будет приходить трижды в неделю. Поливать, пересаживать, просто... разговаривать с ними.

— Я же ветеринар, а не ботаник, — Арина посмотрела на меня с недоверием.

— Ты чувствуешь жизнь, — отрезала я. — Этого достаточно. Платить буду в три раза больше, чем в любой клини-

ке. И это не обсуждается. Тебе нужны деньги, а мне... мне очень нужно, чтобы в том доме появился кто-то живой. Кроме меня.

Арина молчала. Она смотрела на меня своими огромными, пасмурными глазами — глазами моего мужа из сна, и я видела, как в ней борется гордость и нужда.

— Хорошо, — наконец прошептала она. — Я приду.

Вечер в особняке пах лилиями и опасностью. Павел вернулся домой в странном расположении духа. Он был весел, шутил, даже принес мне букет редких орхидей.

— Ты сегодня была в академии, — произнес он за ужином, аккуратно разрезая стейк. Кровь на тарелке выглядела пугающе яркой. — Семён сказал, ты общалась с той девочкой.

Я замерла, сжимая вилку. Вот оно. Сейчас начнется запрет, скандал, новые инъекции.

— Да, Паш. Я наняла её помощницей в зимний сад. Ей очень нужны деньги, а мне...

— Я знаю, что тебе нужно, Ева, — перебил он меня, поднимая бокал с вином. — Тебе нужно общение. Тебе нужно чувствовать себя полезной. Ты молодец.

Я едва не выронила приборы.

— Ты... ты не против?

— Почему я должен быть против? — Павел улыбнулся, и в глубине его зрачков я увидела что-то такое, от чего у меня потяжелел живот. — Если эта провинциалка развлечет тебя,

пусть приходит. Только пусть заходит через служебный вход и не мешает мне работать. Твое счастье — моя главная цель, ты же знаешь.

Он подошел ко мне, наклонился и поцеловал в макушку.

— Иди отдыхай. Завтра у тебя будет много дел с твоей новой... подружкой.

Я уходила в спальню, чувствуя на спине его ледяной взгляд. Я не верила в его доброту. Павел никогда не впускал в свой мир посторонних, если это не было частью его плана. Но я была слишком истощена борьбой с лекарствами, чтобы понять, какую ловушку он готовит на этот раз.

На следующий день Арина пришла ровно в четыре. Семён встретил её у ворот. Через окно я видела, как она идет по дорожке, то и дело поправляя рюкзак. В этом роскошном парке она смотрелась как полевой цветок в ювелирной витрине — неуместно и пронзительно красиво.

Я встретила её в холле.

— Проходи, Арина. Не бойся, дом большой, но он тебя не съест.

Я повела её в сторону зимнего сада. Путь лежал через главную галерею. Я шла впереди, рассказывая о режиме полива, когда заметила, что шаги за моей спиной стихли.

Я обернулась.

Арина стояла у подножия парадной лестницы. Её лицо, и без того бледное, стало мертвенно-белым. Она смотрела вверх, на стену, где в тяжелой золоченой раме висел мой па-

радный портрет. Павел заказал его два года назад. Я была изображена там в полный рост, в темно-синем бархате, с ниткой жемчуга и взглядом, устремленным в пустоту. Холодная, безупречная Ева.

Арина медленно, словно во сне, потянулась рукой к шее, сжимая свой серебряный кулон.

— Это... это вы? — её голос сорвался на хриплый шепот.

— Да, Арина. Это я. Портрет...

— Нет, — она перебила меня, сделав шаг назад. — Нет. Это невозможно.

Она перевела взгляд на меня, потом снова на картину. Её губы задрожали, в глазах заблестели слезы.

— У папы в Малаховке... в самом дальнем ящике комода... под всеми бумагами... лежит старое свадебное фото. Оно обгорело по краям, всё в трещинах. Папа никогда не разрешает его трогать. Но я видела. Я видела его тысячу раз!

Она сделала еще один шаг назад, едва не споткнувшись о край ковра. Её рюкзак сполз с плеча.

— На том фото... та же женщина. Лицо, глаза... даже то, как она держит голову. Только она смеется. И на ней нет этого жемчуга. На ней серебряный кулон — тот самый, который папа подарил мне!

Арина смотрела на меня с таким ужасом и надеждой одновременно, что воздух в холле, казалось, превратился в стекло.

— Моя мама умерла в огне пятнадцать лет назад, — про-

шептала она, и первая слеза скатилась по её щеке. — Папа сам ставил крест на могиле. Он сказал, что от неё ничего не осталось... Но вы... Вы живая. И Вы так похожи на нее...

Я стояла, не в силах пошевелиться. Туман в моей голове окончательно рассеялся, разбитый вдребезги этим детским криком. «Мама» — это слово ударило меня в самое сердце, выбивая из легких остатки «Евы».

Я хотела сделать шаг к ней. Хотела закричать: «Да! Я помню Бурана! Я помню дым!».

Но в этот момент сверху, с галереи второго этажа, раздался сухой, мерный хлопок ладоней.

— Браво, — Павел стоял у перил, глядя на нас сверху вниз. На его губах играла тонкая, торжествующая улыбка. — Какая драматичная сцена. Ева, я же говорил тебе, что эта девочка слишком впечатлительна. Видишь, до чего доводят фантазии провинциалок?

Он начал медленно спускаться по лестнице, и каждый его шаг отдавался во мне похоронным звоном.

— Пойдем, дитя моё, — он подошел к Арине и приобнял её за плечи. Его пальцы впились в её куртку. — Тебе, кажется, стало плохо. Слишком много впечатлений для одного дня. Семён проводит тебя к выходу.

Я смотрела на Арину. Она дрожала всем телом, глядя на Павла как на чудовище. А потом её взгляд вернулся ко мне. В нем не было больше надежды. Только бесконечная, взрослая боль.

— Вы... вы такая же, как этот дом, — прошептала она мне. — Красивая и мертвая.

Она вырвалась из рук Павла и бросилась к выходу. Дверь захлопнулась с тяжелым стоном.

Я осталась стоять в холле под прицелом глаз своего мужа и своего собственного портрета.

— Ну вот, — Павел подошел ко мне и нежно поправил жемчужную нить на моей шее. — Видишь, как вредно нарушать режим, Ева? Больше никаких помощниц. Твои галлюцинации заразительны. Пойдем в спальню. Горохов уже ждет. Тебе нужно... успокоиться.

Я смотрела на него и понимала: игра в «контролируемую близость» закончилась. Он впустил Арину в дом только для того, чтобы уничтожить её моими руками. Чтобы я сама увидела, как она меня презирает.

Но он ошибся в одном.

Я не была мертвой. Я была Таисией Антоновой. И я только что унашла свою дочь, которая назвала меня по имени, которого у меня не было пятнадцать лет.

— Хорошо, Паша, — прошептала я, опуская голову. — Как скажешь.

Но внутри меня, в самой глубине души, где больше не было тумана, начал разгораться новый пожар. И на этот раз я не собиралась из него спастись. Я собиралась в нем выжить.

Глава 8(Мирон)

(от лица Мирона)

Осень в Малаховке в этом году не просто наступила — она обрушилась, придавив землю свинцовым небом и бесконечной, изматывающей изморосью. В такую погоду старые раны ноют особенно сильно, напоминая, что ты всё ещё жив, как бы ни старался об этом забыть.

Я затягивал ремни на коневозке, чувствуя, как ледяные капли стекают за шиворот. Пальцы онемели, кожа на костяшках треснула от холода и постоянной работы, но я не обращал внимания. Буран — мощный четырехлетний жеребец, названный в честь того, первого... — нервно перебирал ногами, его копыта гулко бухали по дощатому настилу прицепа.

— Тише, парень, тише, — пробасил я, прижимаясь лбом к его теплой, пахнущей живым теплом морде. — Дорога длинная, потерпи.

Это была идеальная отговорка. Племенной жеребец продан клиенту в Ленинградскую область, доставка за мой счет. Я мог бы нанять водителя, но мне нужно было бежать. Бежать из этого дома, где тишина стала такой плотной, что её можно было резать ножом.

Валентина вышла на крыльцо, кутаясь в поношенную шерстяную шаль. За последние три недели она словно вы-

сохла. Её лицо приобрело желтоватый оттенок, а глаза... в них поселился такой затравленный, суеверный ужас, что мне становилось не по себе. Она почти перестала спать, вздрагивала от каждого телефонного звонка и часами сидела у окна, глядя на дорогу.

— Мирон, может, не надо? — голос её был надтреснутым, как старая керамика. — Пусть ребята отвезут. Зачем тебе самому в такую даль? Дождь вон какой, трасса скользкая...

Я не обернулся. Знал: если посмотрю ей в глаза, увижу там немую мольбу, которую не смогу выполнить.

— Я обещал клиенту, Валя. Буран — конь с характером, чужому не дастся. К тому же, к Арине заеду. Она вторую неделю звонит, голосок какой-то тонкий, будто плачет в трубку.

Валентина судорожно вздохнула, прижав руку к груди. Я знал, что она боится Питера. Боится так, будто этот город — огромная воронка, способная поглотить нас всех. И, честно говоря, я разделял её страх, хоть и не признавался в этом даже себе.

— Вернись поскорее, Мирон, — прошептала она. — Пожалуйста. Сердце у меня не на месте. Будто беда за тобой по пятам идет.

— Не каркай, — бросил я, запрыгивая в кабину внедорожника. — К среде буду.

Двигатель взревел, выплевывая сизый дым в серый туман. Я включил передачу и тронулся, стараясь не смотреть в зер-

кало заднего вида на одинокую фигуру жены на крыльце нашего нового, крепкого, но совершенно пустого внутри дома.

Трасса М-11 тянулась серой лентой, разрезая хмурые леса Тверской и Новгородской областей. Дворники ритмично размазывали воду по лобовому стеклу: вжик-вжик, вжик-вжик. Этот звук усыплял, погружая в то вязкое состояние, когда прошлое начинает казаться реальнее настоящего.

Я ехал и думал о Павле Куприянове. Интересно, помнит ли он меня? Помнит ли он Малаховку? Или для таких, как он, мы — просто эпизод, массовка в их блестящей жизни? Дорогие шмотки, иномарка отца, вальяжная манера говорить через губу. Мы были из одной деревни, он учился в медицинском, а мы с Таей в сельскохозяйственном, но мы часто пересекались. Он был влюблен в мою Таю. Он смотрел на нее так, будто она была ценным экспонатом, который он планировал купить для своей коллекции.

А Тася... она смеялась над ним. Она выбрала меня. Меня, парня, у которого за душой были только старая ферма в деревне да любовь, способная сдвинуть горы. Я до сих пор помню ярость в глазах Павла в день нашей свадьбы. Он тогда даже не поздравил. Просто стоял в тени деревьев, курил дорогую сигарету и смотрел. Как будто запоминал, чтобы потом отомстить.

И отомстил. Город забрал её. Огонь, который он привез с собой в ту последнюю встречу, выжег мою жизнь до основания.

Чем ближе я подъезжал к Петербургу, тем тяжелее становилось дышать. Воздух здесь был другим — пропитанным гарью, металлом и ложью. Для миллионов людей это был город-музей, город-мечта. Для меня это было кладбище.

Кольцевая встретила меня плотным потоком машин и рекламными щитами, сверкающими в сумерках. «Клиники доктора Куприянова. Мы возвращаем будущее». Я скрипнул зубами так, что челюсть заныла. Возвращает он будущее... Ублюдок. Свое будущее он построил на руинах моего прошлого.

Я решил не ехать сразу к Арине. Хотелось сначала сдать коня, разгрузиться и хоть немного прийти в себя. Коневозка — штука неповоротливая, в городе с ней делать нечего.

Проезжая мимо съезда на Каменный остров, я почему-то сбросил скорость. Мой внедорожник, покрытый дорожной грязью, выглядел дико среди вылизанных «Ягуаров» и «Бентли», которые шныряли здесь повсюду. Здесь жили те, кто вершил судьбы. Здесь где-то был дом Куприянова.

На перекрестке загорелся красный. Я затормозил, чувствуя, как Буран в прицепе недовольно переступил с ноги на ногу, качнув машину. Дождь усилился, превратившись в сплошную водяную стену.

Слева от меня, почти вплотную, плавно остановился длинный черный «Мерседес» представительского класса. Стекла были наглухо тонированы, но заднее правое стекло внезапно поползло вниз — видимо, пассажиру стало душно

в стерильном салоне.

Я машинально повернул голову.

Сначала я увидел жемчуг. Ослепительно белая, идеальная нить на бледной, тонкой шее. А потом...

Время не просто остановилось. Оно взорвалось, разлетевшись на миллионы колючих осколков, которые вонзились мне прямо в зрачки.

В глубине салона, прислонившись лбом к стеклу, сидела женщина. Она смотрела на дождь, на серые улицы, и в её профиле было столько невыносимой, знакомой до каждой черточки боли, что я перестал дышать.

Этот разлет бровей. Этот прямой, чуть вздернутый нос. Тот самый наклон головы, который я видел каждое утро в течение четырех лет нашей жизни, пока огонь не превратил всё в пепел.

— Тася... — выдохнул я, и мой голос потонул в шуме дождя.

Мир вокруг поплыл. Я видел не светскую даму в дорогом пальто. Я видел свою жену. Ту самую, которую я сам... нет, не сам, которую хоронили в закрытом гробу, пока я был от бессилия..

Женщина в машине медленно повернула голову. На секунду её взгляд — серый, затуманенный, словно она была под кайфом или в глубоком трансе — скользнул по моей грязной машине, по моему лицу, заросшему недельной щетиной.

В её глазах не было узнавания. В них была пустота. Холодная, бездонная пропасть.

Загорелся зеленый. Сзади кто-то яростно засигналил, вырывая меня из оцепенения.

«Мерседес» сорвался с места, обдав мой внедорожник веером грязных брызг.

— Тася! Стоять! — заорал я, напрочь забыв про прицеп, про коня, про здравый смысл.

Я резко выжал сцепление и ударил по тормозам, потому что в следующую секунду «Мерседес» нырнул в поток и скрылся за поворотом, а прямо передо мной возник капот какой-то малолитражки. Раздался визг шин, Буран в прицепе заржал от испуга, сокрушительно ударив в борт.

Я стоял посреди перекрестка, вцепившись в руль так, что кожа на руле жалобно заскрипела. Сердце колотилось в горле, выбивая рваный ритм.

Этого не могло быть. Это галлюцинация. Мозг просто сошел с ума от усталости, от вида Арины, от этих вечных снов. Таисия умерла. Я видел документы. Я видел могилу. Валентина спасла ребенка, но не смогла спасти её.

Но этот профиль... этот жемчуг на её шее...

Я вспомнил лицо Павла на рекламном щите.

— Ты... — прошептал я, и в моей груди, там, где пятнадцать лет была выжженная пустыня, вдруг начал разгораться пожар. — Ты живая?

Я посмотрел вслед уехавшей машине. Дождь смывал сле-

ды, город равнодушно гудел, а я сидел в своей кабине, чувствуя, как мир вокруг меня рушится во второй раз. Но на этот раз я не собирался просто смотреть на угли.

Если Павел Куприянов украл мою жену и заставил её забыть моё имя, то этот город скоро узнает, что такое гнев человека, которому больше нечего терять.

Я включил передачу. Руки больше не дрожали. Теперь они были твердыми, как камень.

— Держись, Ариша, — сказал я в пустоту кабины. — Папа приехал. И на этот раз он не уйдет с пустыми руками.

Я тронулся с места, медленно вливаясь в поток. Питер принимал меня в свои объятия, и я знал: эта осень станет для нас либо началом новой жизни, либо окончательным концом всего. Но назад дороги больше не было.

Глава 9

Мир за пределами зимнего сада казался мне нарисованным акварелью, которую забыли просушить под дождем. Цвета расплывались, звуки доносились словно через слой ваты. Очередная порция «витаминов», которую Павел ввел мне утром, действовала безотказно — она превращала мою волю в послушный пластилин.

— Посиди здесь, милая, — Павел поцеловал меня в лоб, прежде чем уйти. — Тебе полезно дышать кислородом. И не принимай близко к сердцу фантазии этой бедной девочки. У провинциалов слишком живое воображение, они во всем ищут сюжеты для своих сериалов.

Я кивнула, глядя на свои руки, лежащие на коленях. Они казались мне чужими. Я помнила вчерашний день короткими вспышками. Крик Арины у портрета. Её расширенные от ужаса глаза. И странное, почти безумное чувство, что я должна была упасть перед ней на колени и просить прощения. За что? За то, что я жива? Или за то, что я — это не я?

А еще в голове, как заевшая пластинка, крутился вчерашний перекресток. Тот мужчина в грязном внедорожнике. Дождь заливал стекло, но его взгляд... он прошёл меня насквозь. Суровый, яростный, пахнущий лесом и болью. Павел говорит, что это галлюцинация. Но галлюцинации не остав-

ляют после себя такого ощущения ожога на сетчатке.

Дверь в зимний сад тихо скрипнула.

Арина вошла медленно, словно боялась, что пол под её ногами превратится в воду. На ней была та же джинсовка, но сегодня она казалась еще меньше и беззащитнее среди огромных монстер и раскидистых пальм.

— Здравствуйте, — прошептала она, не поднимая глаз.

— Здравствуй, Арина. Я... я рада, что ты пришла.

Я видела, как она вздрогнула от моего голоса. Она подошла к стеллажу с орхидеями и начала машинально переставлять горшки. Её движения были резкими, нервными.

— Павел Андреевич сказал, что у меня был тепловой удар, — начала она, всё так же не глядя на меня. — Сказал, что я переутомилась и мне всё... померещилось. Что портрет просто похож на какой-то стандартный образ. Извините, что я так... закричала.

Я смотрела на её тонкий затылок, на выбившиеся из хвоста прядки волос.

— Тебе не нужно извиняться, — я медленно поднялась с кресла. Туман в голове качнулся, но я устояла. — Давай просто поработаем. Земля успокаивает. Так мне всегда казалось.

Мы работали в тишине около часа. Я показывала ей, как правильно подрезать сухие листья, как проверять влажность почвы. Арина слушала внимательно, её руки постепенно перестали дрожать. Запах влажной земли и прелой зелени дей-

ствовал на меня лучше любых таблеток Горохова. В этом запахе была правда, которую невозможно было подделать.

— Расскажи мне о них, — вдруг попросила я, сама не зная, откуда во мне взялась эта смелость. — О твоём отце. О маме Вале.

Арина замерла с секатором в руках. Она долго молчала, а потом тихо выдохнула, словно сбрасывая тяжёлую ношу.

— Папа... он сложный человек. Суровый. Он не любит лишних слов. Мама Валя говорит, что он «замерз» в ту ночь, когда случился пожар, и так и не отогрелся. Он всё время в конюшне. С лошадьми он разговаривает ласковее, чем с людьми. Но он... он самый надёжный человек на свете. Как скала.

— Он любит лошадей? — я почувствовала, как внутри меня что-то коротко и больно кольнуло.

— Обожает. У нас большой завод в Малаховке. Папа вывел свою породу. Знаете, он ведь однолюб. Пятнадцать лет прошло, а он... он так никого и не впустил в сердце. Даже маму Валю.

— Но она ведь его жена? — я подошла ближе, чувствуя, как сердце начинает биться чаще, пробиваясь сквозь химическую броню лекарств.

— Жена, — Арина горько усмехнулась. — По документам. Она спасла меня из огня, понимаете? Вынесла на руках, когда крыша уже рушилась. У неё все плечи и спина в шрамах. Она отдала свою красоту за мою жизнь. Папа женился

на ней из благодарности. Чтобы у меня была мать. Чтобы долг отдать. Они живут как соседи. Валя — она как тень. Тихая, заботливая, вечно пахнет выпечкой и лекарствами. Она любит его до безумия, а он... он просто позволяет ей быть рядом.

У меня перехватило дыхание. Перед глазами всплыл образ женщины. Валентина. Моя подруга? Или просто тень из моего прошлого?

— А твоя... настоящая мама? — мой голос сорвался на шепот.

Арина подняла глаза. В них была такая невыносимая тоска, что мне захотелось закрыть лицо руками.

— Папа говорит, она была светом. Маленькая, смешливая, пахла полевыми цветами. Он до сих пор хранит её вещи в закрытом ящике. Иногда я вижу, как он сидит там ночью, в темноте, и просто смотрит в одну точку. Он до сих пор её не отпустил.

В моей груди внезапно родилась острая, физическая боль. Словно кто-то вогнал раскаленный штырь прямо под ребра и начал медленно его поворачивать.

Лошади. Буран. Запах сена. Смех.

Картинки вспыхивали и гасли, как неисправная гирлянда. Я видела старый забор, чувствовала тепло чьих-то огромных ладоней на своей талии. И ржание. Громкое, победное ржание жеребца в утреннем тумане.

— Вам плохо? — Арина шагнула ко мне, её лицо искази-

лось от беспокойства.

— Нет... нет, просто... душно, — я прислонилась к прохладному стволу лимона. — Рассказывай еще. Пожалуйста.

— Папа говорит, мама очень любила одну песню. Она пела её мне, когда я была совсем маленькой. Я почти не помню её голоса, только... чувство безопасности. Как будто, пока она поет, огонь никогда не придет.

Арина опустила голову, и я увидела, как на её ресницах дрожит слеза. Серебряный кулон на её шее качнулся, поймав блик лампы.

В этот момент туман в моей голове внезапно завихрился и расступился. Без всякого усилия, без борьбы, из самой глубины моего существа, из тех пластов памяти, которые Павел считал выжженными, всплыл мотив. Простой, монотонный, баюкающий.

Я не выбирала его. Мои губы сами разомкнулись, и я начала тихо, почти неслышно напевать:

— Спи, моя крошка, спи, мой цветок... Солнце зашло за далекий лесок... Травы склонились, кони уснули... Спи, мое сердце, в колыбельке-люльке...

Слова лились легко, словно я повторяла их вчера. Это была не петербургская песня. В ней слышался шелест ковыля, скрип телеги и бесконечная, щемящая нежность материнства.

Звук разбитого горшка заставил меня вздрогнуть.

Глиняные осколки разлетелись по мрамору, черная земля

рассыпалась некрасивым пятном у ног Арины. Девушка стояла, прижав руки к лицу. Её глаза были огромными, в них застыл первобытный, запредельный ужас.

— Откуда... — её голос превратился в надтреснутый хрип. — Откуда вы знаете эту песню?

Я замолчала, чувствуя, как мир вокруг начинает мелко дрожать.

— Это просто... просто мелодия, Арина. Наверное, я слышала её где-то...

— Нет! — закричала она, делая шаг ко мне. — Нет! Эту песню папа запрещал петь даже маме Вале! Он говорил, что мама сама её придумала для меня. Там были слова, которые знали только мы! Про коней, про люльку... Вы пропели их все! Слово в слово!

Арина схватила меня за плечи. Её пальцы больно впились в мою кожу.

— Кто вы такая?! — кричала она, и слезы градом катились по её щекам. — Почему у вас моё лицо? Почему вы поете мамины песни? Папа сказал, она сгорела! Он сам видел гроб! Но вы... вы стоите здесь и пахнете ею!

Я смотрела на неё, и «Ева» во мне окончательно рассыпалась прахом. Боль в груди стала невыносимой, она взорвалась ослепительным светом.

Пожар. Падающая балка. Крик ребенка под кроватью. И чьи-то руки — не Павла! — которые тянут меня назад, в темноту...

Я узнала этот свет. Я узнала этот запах.

— Ариша... — прошептала я, и это имя отозвалось во мне громом. — Девочка моя...

Арина отшатнулась, прикрыв рот рукой. Она смотрела на меня так, будто я была выходцем с того света. И в этот момент я поняла: Павел не просто украл моё прошлое. Он украл у меня право на этого ребенка.

В зимнем саду повисла такая тишина, что было слышно, как падает капля воды с листа фикуса. Земля на полу выглядела как открытая рана.

Я хотела сделать шаг к ней, хотела обнять, прижать к себе, но мои ноги словно приросли к полу. Я видела, как в глазах Арины надежда борется с ужасом.

— Вы живая... — прошептала она, и в этом шепоте было столько боли, что у меня потемнело в глазах. — Всё это время... вы были здесь, в этом золоте? Пока папа седел от горя? Пока я росла без матери?

— Арина, я не помнила... Клянусь тебе, я ничего не помнила! — закричала я, протягивая к ней грязные в земле руки.

Но Арина уже не слушала. Она развернулась и бросилась к выходу, спотыкаясь и роняя атласы. Дверь захлопнулась с тяжелым стоном, отозвавшимся в моей голове приговором.

Я осталась одна среди своих экзотических пальм и разбитых горшков. Я смотрела на свои руки и видела на них не грязь, а пепел. Тот самый пепел, который Павел пытался вы-

дать за моё будущее.

— Я вспомнила, — прошептала я пустоте. — Я всё вспомнила, Паша.

В этот момент я поняла: туман больше не вернется. Никакие уколы Горохова не смогут заглушить этот крик материнства, который только что разорвал мою жизнь на «до» и «после».

Где-то наверху захлопнулась дверь — Павел вернулся. Но теперь я не боялась его. Я боялась только того, что Арина никогда не сможет меня простить.

Я медленно опустилась на колени прямо в рассыпанную землю и закрыла глаза. Пожар, начавшийся пятнадцать лет назад, наконец-то добрался и до этого дома. И я знала: на этот раз он выжжет всё дотла.

Глава 10(Валентина)

(от лица Валентины)

Дождь в Малаховке всегда был другим. Он не просто капал — он впитывался в сами бревна нашего нового, слишком правильного дома, вытягивая из них запах сырого дерева и какой-то древней, подвальной тоски. В такую погоду мои шрамы на спине и плечах оживали. Тяжистые, бугристые полосы стягивали кожу, напоминая, что пятнадцать лет назад я добровольно шагнула в ад.

Я сидела в кресле на кухне, кутаясь в старую шерстяную шаль Мирона. В горле стоял сухой, колючий хрип — последствия того самого дыма, который навсегда остался в моих легких. Каждый вдох давался мне так, словно я пыталась проглотить битое стекло.

Дом был пуст. Арина уехала в Петербург, и вместе с ней из этих стен ушла последняя капля жизни. Теперь я осталась один на один с тишиной, которая, казалось, обрела плотность и вес. Она давила на плечи, заставляя меня сутулиться еще сильнее.

Я посмотрела на пустой табурет напротив. Там обычно сидела Арина, болтая ногами и рассказывая о своих мечтах. Теперь там сидела только серая тень.

Мои пальцы судорожно сжались, сминая пожелтевший конверт, который я вот уже несколько дней не выпускала из

рук. То самое письмо. Четырнадцать лет оно ждало своего часа в старой куртке, чтобы теперь, как замедленная бомба, разнести мою жизнь в клочья.

— Зачем ты его нашла, Валя? — прошептала я собственным, неузнаваемым от хрипоты голосом. — Зачем не сожгла тогда, дура?

Приступ кашля согнул меня пополам. Я задыхалась, хватаясь за край стола, пока перед глазами не поплыли черные круги. В голове пульсировала кровь, а в груди словно проворачивали раскаленный вертел. Когда спазм наконец отпустил, я потянулась к телефону.

Дрожащими пальцами набрала номер Мирона.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети...»

Снова. Я звонила ему уже шестой раз за утро. Я знала, что он в Питере, знала, что он «занят делами», но это механическое равнодушие автоответчика било меня сильнее любого кнута. Ему было не до меня. Он всегда был «не до меня», когда дело касалось его внутренней тишины. Но сейчас, когда земля уходила у меня из-под ног, это молчание казалось приговором.

— Мироша... — всхлипнула я, роняя телефон на колени. — Пожалуйста, возьми трубку. Мне страшно.

Но телефон молчал. Только дождь продолжал свою монотонную пытку, выстукивая по стеклу: «Ви-нова-та... ви-нова-та...»

Жар накатывал волнами. Я чувствовала, как лоб становится липким, а комната начинает медленно вращаться, как карусель. Я попыталась встать, чтобы дойти до аптечки, но ноги подкосились. Я сползла обратно в кресло, проваливаясь в вязкое, мутное марево.

И тогда она пришла.

Тася стояла в углу кухни, прямо возле плиты. Она была такой, какой я запомнила её в наш последний вечер в институте. Смешливая, с растрепанными волосами, в том самом ситцевом сарафане в голубой цветочек. На её лице не было ожогов. На её руках не было шрамов. Она светилась тем самым внутренним светом, который Мирон так и не смог за-
быть.

— Зачем ты это сделала, Валька? — её голос прозвучал чисто и ясно, прорезая мой лихорадочный бред.

— Я любила его, Тася, — прохрипела я, протягивая к ней свободную руку. — Я всегда его любила. Даже когда ты была рядом. Даже когда ты выбирала ему галстук на свадьбу. Я стояла за твоей спиной и умирала от жажды.

Призрак Таисии качнул головой. В её взгляде не было ненависти — только бесконечная, мучительная жалость, которая жгла меня сильнее пламени.

— Ты украла моё письмо, Валя. Ты украла четырнадцать лет моей жизни. Ты смотрела, как растёт моя дочь, и называла её своей. Неужели тебе никогда не было страшно?

— Было! — закричала я, и мой крик перешел в новый

приступ кашля. — Каждый божий день мне было страшно! Я вздрагивала от каждого стука в дверь! Я целовала Мирона и знала, что он обнимает не меня, а твою тень! Я платила, Тася! Посмотри на мою спину, посмотри на мои руки — я платила за каждый день этого ворованного счастья!

Я зажмурилась, пытаюсь отогнать видение, но когда открыла глаза, Тася всё еще была там. Она подошла ближе, и я почувствовала запах... не гари, нет. Она пахла сеном, яблоками и тем самым Бураном, про которого МIRON до сих пор шепчет во сне.

— Скоро всё закончится, Валя, — прошептала она, касаясь моего лба своей призрачной, прохладной рукой. — Огонь возвращается. На этот раз он не оставит свидетелей.

В калитку громко, настойчиво постучали.

Звук был таким реальным, что я подпрыгнула в кресле. Морок рассеялся. В углу у плиты было пусто, только старая занавеска колыбалась от сквозняка. Но в кулаке я всё еще сжимала пожелтевшее письмо.

— Валентина Петровна! Вы дома? Хозяюшка! — голос Степаныча, нашего бессменного почтальона, пробился сквозь шум дождя.

Я заставила себя встать. Колени дрожали, мир двоился, но я дошла до двери и распахнула её.

На пороге стоял Степаныч, мокрый, в своем брезентовом плаще, от которого пахло табаком и дешевым одеколоном. Он смотрел на меня с подозрением, прищулив слезящиеся

глаза.

— Что ж ты, Петровна, не открываешь? Заснула, что ли? Бледная ты какая-то... Не заболела?

— Всё хорошо, Степаныч, — я привалилась к косяку, стараясь не упасть. — Продуло, видать. Что там у тебя?

— Заказное. Из города, — он протянул мне планшет для подписи. — Из самого Следственного комитета. Гляди, какая печать важная.

Моё сердце, и без того работавшее на пределе, на секунду просто перестало биться. Следственный комитет. Тверь.

Я дрожащей рукой вывела закорючку в ведомости. Степаныч протянул мне плотный белый конверт, еще раз неодобрительно хмыкнул и пошел к калитке, ворча под нос про «молодежь, которая за собой не следит».

Я закрыла дверь и опустилась прямо на пол в прихожей. Холодный линолеум немного привел меня в чувство. Я вскрыла конверт.

Листок бумаги был холодным и официальным. Канцелярские слова жалили глаза, как осы.

«Уведомление о возобновлении предварительного следствия по уголовному делу №... по факту пожара в дер. Малаховка и гибели гр. Антоновой Т. Н. в связи с вновь открывшимися обстоятельствами...»

Я перечитала строчку трижды. Вновь открывшиеся обстоятельства. Мои глаза добежали до конца страницы, где мелким шрифтом была указана причина:

«На основании поступившего анонимного сообщения о факте совершения подлога биологического материала и фальсификации результатов опознания в морге г. Твери в сентябре 2011 года...»

Анонимное сообщение.

Конверт выпал из моих рук. Мир окончательно рухнул. Кто-то знал. Кто-то все эти пятнадцать лет хранил эту тайну и теперь, когда Арина уехала в Питер, а Мирон отправился за ней, решил нанести удар.

Это не мог быть Павел Куприянов — он в этом деле замешан по самую шею, ему разоблачение невыгодно. Значит, был кто-то еще. Санитар в морге? Случайный прохожий? Кто то знал, что Таисия жива... Ведь кого то похоронили вместо Таисии...

Я представила лицо Мирона, когда к нему придут с этим извещением. Когда ему скажут, что в той могиле, куда он пятнадцать лет носил цветы, лежит чужая женщина. И что я, его «верная» Валентина, знала об этом если не с самого начала, то очень давно.

Я посмотрела на свои руки. В одной — письмо из прошлого от той медсестры, которое я перехватила четырнадцать лет назад. В другой — официальный приговор моему настоящему.

— Прости меня, Мироша... — прошептала я, чувствуя, как сознание начинает уплывать в спасительную черноту. — Я просто... просто хотела быть счастливой.

Ноги окончательно перестали меня слушать. Я сползла по стене, сжимая оба листка у самой груди. Перед глазами снова поплыли рыжие всполохи огня.

Где-то далеко-далеко, в Питере, Арина искала свою мать. Мирон искал своего призрака. А я... я просто осталась на пепелище своей лжи, которое наконец-то решило догореть до конца.

Последнее, что я слышала перед тем, как окончательно потерять сознание, был тихий, торжествующий смех Таисии. Или это был просто шум дождя по крыше нашего проклятого дома?

Правда всё равно выйдет наружу. Огонь всегда возвращается за своим. И на этот раз мне некого было спасать, кроме собственной истерзанной души, которой больше не было места в этом мире.

Глава 11(Мирон)

(от лица Мирона)

За окном закуской со странным названием «У камина» Питер окончательно превратился в декорацию к дурному сну. Грязные потоки воды неслись вдоль поребриков, поглощая окурки и случайный мусор, а неоновая вывеска над входом мигала так навязчиво, что у меня начала ныть челюсть.

Внутри пахло старым маслом, дешевым кофе и сыростью от моей собственной куртки. Я сидел в самом углу, стараясь занимать как можно меньше места, хотя со своими плечами и ростом чувствовал себя здесь медведем, запертым в сувенирной лавке. На столе стояла чашка американо. Я не сделал ни глотка. Пар от неё давно перестал идти, а на поверхности образовалась тонкая, маслянистая пленка.

Пальцы подрагивали. Я сжал их в замок, глядя на свои ладони — широкие, покрытые мелкими шрамами от недоуздков и грубой работы. Эти руки умели принимать роды у кобылиц, умели строить дом из бревна, умели держать ружье. Но сейчас они казались мне бесполезными кусками мяса.

Тот профиль.

Стоило мне прикрыть глаза, и я снова видел этот перекресток. Тень за тонированным стеклом. Белизну жемчуга, которая казалась ожогом на фоне серого питерского дня. И её

взгляд — пустой, направленный в никуда.

— Не может быть, — прошептал я, и мой голос утонул в шуме кофемашины за стойкой. — Ты в земле, Тася. Я сам носил цветы на холмик. Пятнадцать лет...

Телефон в кармане в очередной раз завибрировал. Я вытащил его — на экране светилось «Валя». Я нажал на кнопку блокировки, обрывая вызов. Я не мог сейчас с ней говорить. Её голос, вечно тихий, виноватый и заботливый, сейчас казался мне удавкой. Если то, что я видел, — правда, то чем были все эти годы в Малаховке? Кем была Валентина в нашей постели?

Дверь кафе распахнулась с резким дребезжанием колокольчика. Ввалилась Арина.

Она выглядела так, будто только что вылезла из Невы. Промокшая насквозь джинсовка прилипла к плечам, волосы спутались, а лицо... На её лице был такой отчаянный, дикий страх, что я подскочил с места, опрокинув стул.

— Ариша! — я шагнул к ней, ловя её за плечи. — Ты что? Что случилось? Кто тебя обидел?

Дочь вцепилась в мои рукава. Её трясло так сильно, что зубы выстукивали дробь. Она не плакала — в её глазах было что-то похуже слез. Безумие. То самое, которое я видел в зеркале в первый год после пожара.

— Папа... папа, она... она там, — задохнулась она, пытается поймать ртом воздух. — В том доме. На Каменном острове.

Я усадил её за столик, почти насильно. Снял с неё мокрую куртку, накинул на плечи свою сухую — огромную, пахнущую табаком и Малаховкой.

— Тише. Дыши. Рассказывай по порядку. Какая она? Кто «там»?

Арина схватила мою чашку с остывшим кофе и сделала глоток, поморщилась, но взгляд её стал чуть яснее.

— Женщина, про которую я тебе говорила. Ева. Которая наняла меня в сад, — она запнулась, и её глаза наполнились влагой. — Папа, она... она сегодня запела.

Я замер, чувствуя, как холод в груди начинает превращаться в лед.

— И что?

— Колыбельную. Твою колыбельную. Про коней, которые уснули, про люльку... Слово в слово, папа! Ты же говорил, мама сама её придумала! Что никто больше её не знает! Откуда у этой городской дамы мамины слова?

В кафе стало оглушительно тихо. Я слышал, как за окном гудит проезжающий трамвай. Мир, который я так старательно выстраивал из кирпичей благодарности и долга перед Валентиной, начал крениться.

— Как её фамилия, Арина? — мой голос стал низким, чужим. — Этой женщины. Чей это дом?

Арина шмыгнула носом, глядя на меня с испугом.

— Куприяновы. Павел Андреевич Куприянов. Он врач, знаменитый хирург. У него клиники по всему городу.

Удар пришел не в голову, а в самое нутро. Куприянов. «Золотой мальчик». Паша, который в институте ошивался вокруг Таси, как голодный пес вокруг мясной лавки. Паша, который приехал в деревню перед самым пожаром. Паша, который «увез её в больницу», откуда она так и не вернулась.

Я закрыл глаза. В памяти всплыло его лицо пятнадцатилетней давности — холеное, высокомерное. «Ты ей ничего не дашь, Антонов. Ты — деревня».

— Значит, Куприянов, — прорычал я, и мои пальцы непроизвольно сжались на краю стола.

— Папа, ты его знаешь? — прошептала Арина.

— Знал одного. Друга детства, который всегда хотел украсть чужое.

— Она не похожа на воровку, — Арина затрясла головой. — Она... она как будто в тумане. Как будто не здесь. И портрет, папа! Там на лестнице висит её портрет. Я когда увидела, чуть не упала. Она там — вылитая мама с той фотографии, что ты в комодке прячешь. Только без кулона. В жемчугах.

Арина вытащила из кармана джинсов телефон. Экран был в мелкой паутине трещин — видимо, уронила, когда бежала.

— Я сделала фото. Тайком. Когда она отвернулась в саду. Посмотри, папа. Посмотри мне в глаза и скажи, что я сумасшедшая.

Она положила телефон на стол между нами. Я медлил. Я боялся этого маленького экрана больше, чем смерти. Потому что знал: если я нажму на кнопку, моя жизнь в Малаховке

закончится навсегда. Не будет больше «жены Вали», не будет спокойных вечеров. Будет только война.

Я нажал.

Экран вспыхнул. Фотография была немного смазанной, сделанной со спины и чуть сбоку. Женщина стояла среди густой зелени зимнего сада. Тонкий профиль, освещенный искусственным светом ламп. Те же волосы — только уложенные в дорожную прическу. Те же плечи.

Но главное было в глазах. Она смотрела на какой-то цветок, и в этом взгляде была такая невыносимая, знакомая мне тоска, от которой у меня перехватило горло.

Это была Таисия. Моя Тася. Старше на пятнадцать лет, окутанная в шелка и жемчуга, превращенная в чью-то дорогую игрушку, но это была она. Каждой черточкой, каждым изгибом шеи.

Я не заметил, как моя рука сжала чашку. Керамика, не выдержав давления, с сухим хрустом лопнула. Коричневая жижа выплеснулась на стол, заливая скатерть, а один из осколков глубоко распорол мне ладонь.

— Папа! Кровь! — вскрикнула Арина, хватая салфетки.

Я не чувствовал боли. Я смотрел на фото и чувствовал, как внутри меня просыпается зверь. Старый, злой, израненный зверь, которого я усыплял полтора десятка лет.

Всё было ложью.

Валентина, которая «спасала» ребенка, пока мать якобы горела. Гроб, который я не открывал, потому что мне запре-

тили — «там не на что смотреть, Мирон». Горохов, который подписывал бумажки. Куприянов, который всё это время...

Пятнадцать лет он касался её. Он спал с ней в одной постели. Он заставлял её забыть моё имя. Он называл её «Евой».

Я поднял руку. Кровь текла по запястью, капая на стол, но я видел только её лицо на экране.

— Она жива, Ариша, — сказал я, и мой голос был похож на хруст ломающихся костей. — Она жива, и этот ублюдок держит её у себя.

— Папа, что мы будем делать? — в голосе дочери была мольба. — Она меня не узнала. Она пела песню, но смотрела на меня как на чужую. Она... она больна?

— Она не больна. Она заперта, — я встал, не обращая внимания на порез. — Куприянов всегда был хорошим хирургом. Видимо, он решил, что память — это лишний орган, который можно ампутировать.

Я бросил на стол смятую купюру, не считая. Подхватил куртку Арины.

— Пойдем. Тебе нужно в общежитие. Запрись и никуда не выходи.

— А ты? — Арина вцепилась в мой локоть. — Ты куда? К ней?

— Сначала мне нужно кое-что проверить, — я посмотрел на дочь, и она отшатнулась от холода в моих глазах. — Мне нужно понять, сколько людей в этой схеме предали меня.

Я думал о Валентине. О её вечно опущенных глазах. . О

том, как она заняла место «хозяйки» на пепелище.

— Папа, не делай глупостей! Куприянов богатый, у него охрана!

— У него — деньги и стены, Арина, — я толкнул дверь кафе, выходя в питерский дождь. — А у меня пятнадцать лет украденной жизни. И я пришел за расчетом.

Я шел к своей машине, чувствуя, как дождь смывает кровь с ладони. Но внутри горел такой огонь, который не затушит ни одна Нева. Павел Куприянов думал, что он бог. Он думал, что стер прошлое.

Но он забыл, что в Малаховке мы привыкли бороться за своё до конца. И если мне придется сжечь его «стеклянный рай» вместе с ним, чтобы вернуть Тасю — я сделаю это не задумываясь.

Я сел за руль, включил зажигание и посмотрел на Каменный остров, скрытый туманом.

— Жди меня, Паша, — прошептал я. — Твой срок истек.

В ту ночь я впервые за пятнадцать лет не чувствовал усталости. Я чувствовал только ярость. И эта ярость была самым прекрасным чувством, которое я когда-либо испытывал. Поэтому что теперь у меня была цель. И эта цель была живой.

Глава 12(Таисия-Ева)

Шелк платья цвета ночного неба холодил кожу, но я чувствовала его как доспехи. Тяжелые, сковывающие, чужие. Стилисты, которых Павел выписал из лучшего салона города, порхали вокруг меня уже второй час. Они наносили на мое лицо слои дорогой штукатурки, превращая меня в ту самую Еву Куприянову, которую сегодня будет чествовать весь светский Петербург.

— Вы ослепительны, Ева Николаевна, — прошептала ви-
жажист, нанося финальный штрих кроваво-красной помады.

Я посмотрела в зеркало. Из золоченой рамы на меня глядела незнакомка. Идеальная, застывшая, мертвая. Павел вошел в гардеробную бесшумно. Он был в безупречном смокинге, от него пахло морозным цитрусом и железом.

— Мой венец, — произнес он, подходя сзади.

В его руках была та самая нитка жемчуга. Он медленно обвил её вокруг моей шеи, и я почувствовала, как камни, холодные и тяжелые, впиваются в кожу. Это был не подарок. Это был ошейник. Замок щелкнул у самого основания черепа, отсекая пути к отступлению.

— Пятнадцать лет, Ева. Пятнадцать лет назад я вырвал тебя из когтей смерти. Сегодня мы отпразднуем твоё второе рождение.

Я заставила себя улыбнуться. Мышцы лица слушались плохо, но я уже научилась имитировать ту самую мягкую за-
торможенность, которую Павел и Горохов принимали за дей-
ствие лекарств. На самом деле в моей голове была звенящая,
ледяная ясность. Крик Арины: «Мама, ты живая?» — выжег
во мне все остатки «витаминного» тумана.

— Спасибо, Паша. Ты так много для меня сделал.

Он поцеловал меня в плечо. Его губы были как лед.

— Идем. Гости заждались.

Первый этаж особняка превратился в сверкающее море.
Хрусталь, шампанское в запотевших бокалах, фальшивый
смех и запах лилий, от которого у меня начинала кружить-
ся голова. Здесь собрались все: политики, бизнесмены, вра-
чи высшего звена. Люди, которые считали Павла Куприяно-
ва богом медицины.

Я стояла на вершине парадной лестницы, сжимая перила
так сильно, что пальцы онемели. Павел держал меня под ло-
коть, и я чувствовала, как его пальцы слегка подрагивают —
не от волнения, а от торжества. Это был его бал. Его триумф
над судьбой, памятью и правдой.

— Дамы и господа! — голос мужа разнесся по залу, за-
ставляя оркестр смолкнуть. — Сегодня особенный вечер.
Ровно пятнадцать лет назад произошло чудо. Бог вернул мне
женщину, которая стала смыслом моей жизни. Многие из вас
знают, через что нам пришлось пройти. Потеря памяти, тя-
желейшая реабилитация... Но сегодня Ева стоит перед вами

как символ победы жизни над мраком.

Раздались аплодисменты. Громкие, восторженные, тошнотворные. Я видела в толпе Горохова. Он пил коньяк, его рука заметно дрожала, а взгляд бегал по сторонам. Он единственный здесь знал, какая цена была заплачена за эту «победу».

— За Еву! — провозгласил Павел, поднимая бокал. — За любовь, которая сильнее смерти!

Я пригубила шампанское. Оно показалось мне горьким, как полынь. Я смотрела на этих людей и понимала: я для них — дорогой экспонат в частной коллекции Куприянова. Живое доказательство того, что он может перекрыть не только тело, но и душу.

«Я — Таисия Антонова, — твердила я про себя, как заклинание. — Моя дочь в этом городе. Мой муж... мужчина из джипа... он где-то рядом. Я найду их».

Вечер тянулся бесконечно. Павел отвлекся на разговор с губернатором и каким-то важным инвестором из Москвы. Они стояли в эркере, и я видела, что Павел увлечен — речь шла о строительстве нового филиала. Семён, наш вечный надзиратель, стоял у входной двери, контролируя поток прибывающих гостей.

Это был мой единственный шанс.

— Паша, — я коснулась его руки, изображая слабость. — Голова... кажется, мигрень начинается. Шум слишком сильный. Я поднимусь к себе на десять минут, выпью таблетку

и вернусь.

Он на мгновение нахмурился, в его глазах мелькнуло подозрение. Но вокруг были люди, камеры, вспышки. Он не мог устроить мне допрос здесь.

— Конечно, милая. Ступай. Но не задерживайся. Через полчаса подадут горячее.

Я кивнула и, стараясь сохранять величную медлительность, направилась к лестнице. Стоило мне оказаться в тени галереи второго этажа, как я сорвалась на быстрый шаг. Мои туфли на шпильках беззвучно утопали в густом ворсе ковра.

Кабинет Павла находился в конце западного крыла. Запретная зона. Место, куда мне не разрешалось заходить без его приглашения.

Дверь была заперта. Но я знала, где Павел держит запасной ключ. Все эти годы я наблюдала за ним, фиксируя каждую мелочь. Он считал, что я «в тумане», и перестал таиться. Ключ лежал в основании тяжелой напольной вазы в коридоре.

Щелчок замка показался мне выстрелом в тишине дома.

Я вошла и закрыла дверь изнутри. В кабинете пахло кожей, старыми книгами и стерильностью. Это была лаборатория его власти. Я подошла к массивному столу. Где-то здесь должен быть сейф.

Я вспомнила, как он однажды сказал Горохову: «Числа — это каркас мира. Главные даты нельзя менять».

Сейф был скрыт за панелью из красного дерева. Мои паль-

цы дрожали, когда я коснулась кодовой панели. Какую дату он мог выбрать? Свой день рождения? Мой? Нет. Для него всё началось в тот день, когда он «создал» Еву.

Я ввела дату нашего «приезда» в Питер. День, который он называл годовщиной нашего спасения.

09.09.2011

Тихий механический гул, и дверца сейфа подалась. Внутрь было несколько папок. Я схватила ту, что лежала сверху — черную, без маркировки.

Моё дыхание пресеклось.

Там был мой старый паспорт. Обгоревший по краям, с порыжевшими страницами. Антонова Таисия...С фотографии на меня смотрела молодая девушка. Тася. У неё были живые, веселые глаза и непослушная прядь волос, выбившаяся из прически. На следующей странице — прописка: Тверская область, деревня Малаховка.

Далее страница о браке.Замужем за Антоновым Мироном
Дети: Арина Антонова

Мир вокруг меня окончательно перестал быть серым. Каждая буква на этих листках была как удар колокола. Я не Ева. Я никогда не была Евой. Я — мать, у которой украли дочь. Я — жена, которую заживо похоронили.

Я сжала документы в руках, чувствуя, как внутри закипает ярость. Такая чистая и мощная, что никакая химия в мире не смогла бы её подавить.

В этот момент за спиной раздался звук. Скрип дверной

петли.

Я медленно обернулась.

Павел стоял в дверях. Свет из коридора падал на его смокинг, создавая нимб вокруг головы, но лицо было погружено в тень. Он не выглядел удивленным. Он выглядел разочарованным.

— Ты всё-таки сделала это, Таисия, — его голос был тихим, вкрадчивым, лишенным той приторной ласки, которой он окутывал меня все эти годы. — Я до последнего надеялся, что ты выберешь покой.

Я стояла у открытого сейфа, прижимая к груди свои настоящие документы.

— Ты лгал мне. Пятнадцать лет ты кормил меня сказками о моей «грязной» прошлой жизни. Ты украл меня у мужа. Ты украл у меня ребенка!

Павел сделал шаг в кабинет и закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал как приговор.

— Я спас тебя, — он начал медленно наступать, и в его глазах я увидела то, что он скрывал за маской хирурга — безумие одержимого коллекционера. — Ты жила бы в навозе, Тая. Рожала бы детей от этого мужлана, старела бы на ферме. Я дал тебе этот дом, эти драгоценности, это имя! Я сделал тебя совершенством!

— Ты сделал из меня овощ! Ты травил меня таблетками, чтобы я не вспомнила Арину! — закричала я, отступая к окну.

— Арина... — он произнес это имя с безразличностью. — Ошибка твоей юности. Сегодня я видел, как она на тебя смотрит. Она ненавидит тебя, Тая. Для неё ты — богатая кукла, которая бросила её ради бриллиантов. Ты никогда не вернешь её.

Его лицо исказилось. Маска заботливого мужа окончательно сползла, обнажая холодного, расчетливого тирана.

— Но это не важно. Главное, что ты здесь. И ты останешься здесь.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака тонкий футляр. Я знала, что там. Шприц.

— Гости внизу ждут хозяйку. Но хозяйка приболела. У неё случился нервный срыв. Тебе нужно поспать, Ева. Долго, спокойно. А когда ты проснешься, мы забудем про этот досадный инцидент.

— Я не Ева! — я рванулась в сторону, пытаюсь проскочить к двери, но Павел был быстрее.

Он перехватил мои руки, сжимая их железной хваткой. Документы рассыпались по полу — мой паспорт, свидетельство, всё, что было моей жизнью, упало в пыль под его ногами.

— Теперь — Ева, — прошептал он мне в самое ухо, прижимая к стене. — Навсегда.

Я смотрела в его серые, пустые глаза и понимала: в этом доме мне больше никто не поможет. Снизу доносилась музыка оркестра — там праздновали мою смерть. Но здесь, в ти-

шине кабинета, я впервые почувствовала, что готова убить, чтобы выжить.

— Мирон найдет тебя, — прохрипела я, чувствуя, как игла касается моей шеи. — Он уже здесь, Павел. Я видела его.

Павел на мгновение замер, и в его взгляде мелькнула тень страха. Но это длилось лишь секунду. Игла вошла в мышцу, и холодная волна привычного забвения начала медленно заливать мой разум.

— Пусть ищет, — Павел подхватил мое обмякающее тело. — Он ищет призрака. А я владею реальностью.

Мои глаза закрылись. Последнее, что я видела — это обгоревшую обложку своего старого паспорта на ковре. Моё имя. Таисия.

Я уходила в темноту, но теперь в этой темноте был свет. И этот свет пах лошадьми, ветром и бесконечной, яростной любовью человека, который никогда не переставал меня ждать. Глава Евы закончилась. Начиналась битва Таисии.

Глава 13(Арина)

(от лица Арины)

Серый питерский рассвет просачивался сквозь щели в оконной раме общежития, принося с собой запах мокрого асфальта и безнадёги. Я сидела на кровати, подтянув колени к подбородку, и смотрела на свой телефон. Экран в мелкой паутине трещин тускло светился. На нём всё ещё была открыта та самая фотография, которую я сделала в зимнем саду.

В голове, как заезженная пластинка, крутился мотив колыбельной. «Спи, моя крошка, спи, мой цветочек...»

От этих слов по коже до сих пор бежали мурашки. Эту песню мне не пела мама Валя. Папа Мирон всегда хмурился, когда я пыталась напеть те обрывки, что сохранились в моей памяти с трехлетнего возраста. Он говорил, что это просто детские фантазии. Но вчера... вчера эта холодная, безупречная женщина в жемчугах пропела её так, будто вынимала слова из моего собственного сердца.

Мне было страшно. Страшно и тошно от собственного предательства. Мама Валя — та, которая вынесла меня из огня. Та, которая мазала мои коленки зеленкой и плакала над моими двойками. Её шрамы — это была цена моего дыхания. А теперь я сидела здесь, в холодном Питере, и искала черты своей настоящей матери в чужой, почти призрачной

женщине.

— Прости меня, мамочка Валя, — прошептала я, кутаясь в одеяло.

Но голос крови был громче совести. Он кричал, он требовал правды. Если Ева Николаевна — это Таисия, то почему папа сказал, что она мертва? Почему он сам поставил крест на кладбище в Малаховке?

Я встала, чувствуя во всем теле тяжелую свинцовую усталость. Нужно было собираться на лекции, но ноги не слушались. Я потянулась за своим шарфом, брошенным вчера на стул, и вдруг замерла.

На темно-синей шерсти, запутавшись в ворсинках, поблескивал длинный волос. Тонкий, темный, почти черный. Волос Евы. Она коснулась меня в зимнем саду, когда я почти упала от шока.

Я бережно, едва дыша, сняла его и поднесла к свету. У самого основания была крошечная белая луковичка.

Это не просто волос. Это улика. Это мой пропуск в правду.

Я схватила телефон и дрожащими пальцами набрала Машу. Машка училась со мной на потоке, но её старшая сестра работала лаборантом в одном из крупнейших генетических центров города. А она подрабатывала у нее иногда. Мы не раз шутили на переменах, что Маша может «пробить» любую родословную, если ей принести хоть окурочек.

— Маш, привет. Мне нужна твоя помощь. Очень. Прямо

сейчас.

Генетический центр на Литейном встретил меня запахом озона и давящей, стерильной чистотой. Я ждала Машу у служебного входа, сжимая в кармане прозрачный пакетик с волосом. Мои зубы выбивали дробь — то ли от холодного ветра, то ли от ужаса перед тем, что я собиралась сделать.

— Арина, ты с ума сошла? — Маша выскочила ко мне, на ходу застегивая белый халат. — Семь утра! Какой тест? Ты хоть понимаешь, сколько это стоит?

— У меня есть деньги, Маш. Те, что папа дал на общежитие и еду. Я всё отдам. Пожалуйста, попроси сестру сделать это как экспресс-анализ. Мне нужно знать... митохондриальное родство. Мать и дочь.

Маша посмотрела на меня внимательно. Она была умной девчонкой и сразу поняла, что я не в игры играю. Мои покрасневшие от бессонницы глаза говорили сами за себя.

— Ладно. Идем в бокс. Сделаешь мазок со щеки. Волос я заберу. Сестра сегодня на смене, я попробую впихнуть тебя между платными анализами. Но учти — если это какая-то криминальная история, я тебя не знаю.

Процедура заняла несколько минут. Стерильная палочка поцарапала внутреннюю сторону щеки, пакетик с волосом исчез в кармане Машиного халата.

— Жди, — бросила она. — Результат скину в мессенджер. Иди на лекции, Арина. На тебе лица нет... Я прибегу позже. Я не пошла на лекции. Я не могла. Каждое слово препо-

давателя казалось бы мне бессмысленным набором звуков. Вместо этого я села в автобус и поехала на Каменный остров. Меня тянуло туда, как приговоренного тянет к эшафоту.

Я должна была еще раз увидеть этот дом. Еще раз убедиться, что я не сумасшедшая.

Особняк Куприяновых за высоким кованым забором выглядел как крепость. Осень уже вовсю хозяйничала в парке: желтые листья устилали дорожки, а небо нависло над крышами, тяжелое и серое, как бетонная плита.

Я спряталась за толстым стволом старой липы, в нескольких десятках метров от ворот. Отсюда было хорошо видно подъездную аллею. Мои руки замерзли, я прятала их в карманы, переминаясь с ноги на ногу.

Прошел час. Потом еще один. Несколько раз мимо проезжали дорогие машины, но ворота особняка оставались закрытыми. Я уже начала думать, что зря приехала, когда вдруг во дворе началось движение.

Тяжелые створки ворот медленно поползли в стороны. Крыльцу подкатил знакомый черный «Мерседес». Я увидела Семёна — он суетился у машины, открывая заднюю дверь.

А потом из дома вышел он. Павел Куприянов.

Даже издалека от его фигуры веяло холодом, который пробирал сильнее питерского ветра. Он шел быстро, почти таща за собой женщину.

— Мама... — сорвалось с моих губ.

Ева Николаевна... Таисия... она не шла сама. Её голова

была неестественно запрокинута, руки висели плетьюми. Павел держал её под локоть, практически волоча по ступеням. Она выглядела как тряпичная кукла, у которой отрезали ниточки.

Они остановились у машины. Семён что-то сказал, но Павел резко оборвал его жестом. Я видела, как он грубо, почти с ненавистью, подхватил женщину под мышки и буквально затолкал её на заднее сиденье. В этом жесте не было ни капли той любви и заботы, о которой он твердил вчера. Это была жестокость хозяина по отношению к сломанной вещи.

— Что он делает? Что он с ней делает?! — я прижала ладонь к губам, чтобы не закричать.

Павел захлопнул дверь, сел рядом. Машина сорвалась с места, обдав осеннюю листву облаком выхлопных газов.

В этот момент мой телефон в кармане завибрировал.

Я выхватила его так быстро, что едва не выронила. Сообщение от Маши. PDF-файл и короткая приписка: «Ариша, я не знаю, где ты взяла этот волос, но сестра в шоке. По митохондриальной ДНК — совпадение 99,9%. Это твоя мать, Арина. Однозначно».

Мир вокруг меня качнулся. Деревья, забор, асфальт — всё поплыло, превращаясь в неразборчивое пятно. Значит, правда. Значит, колыбельная не была сном. Значит, мама все это время была жива. Бедный папа, он пятнадцать лет оплакивал ее...господи...Вся моя жизнь была построена на пепелище чужой судьбы.

Но самое страшное было не это. Я только что видела, как мою мать, живую, настоящую, беспомощную, увозит человек, который, кажется, готов на всё, чтобы она снова «умерла».

— Помогите... — прошептала я, оседая на влажную траву. — Кто-нибудь, помогите!

Я выскочила на дорогу, сама не зная, куда бежать. Машина Павла уже скрылась за поворотом. Я была одна в этом огромном, холодном городе, и у меня не было никого, кто мог бы защитить меня и её.

Внезапно со стороны проспекта, визжа шинами, вылетел знакомый внедорожник. Огромный, грязный, с тверскими номерами. Он затормозил прямо передо мной, едва не сбив.

Дверь распахнулась. Из кабины выскочил отец.

Мирон выглядел страшно. Его лицо было серым, глаза горели лихорадочным блеском. На ладони была намотана какая-то грязная тряпка, сквозь которую проступала кровь.

— Арина! — он схватил меня за плечи, встряхивая. — Ты чего здесь? Я же велел сидеть в общежитии!

— Папа! — я вцепилась в его куртку, захлебываясь слезами. — Папа, он её увез! Он её только что в машину затолкал, она была без сознания! Он её убьет!

Мирон замер. Его руки на моих плечах сжались так, что я едва не вскрикнула.

— Кто увез? Куда?

— Куприянов! — я сунула ему под нос телефон с откры-

тым результатом теста. — Смотри! Смотри, папа! Это она! Она живая! Тест подтвердил! Там наша мама...

Мирон посмотрел на экран моего телефона Я видела, как его лицо из серого становится белым. Он не читал цифры — он видел фамилии. Таисия Антонова. Арина Антонова.

— Боже... — выдохнул он, и в этом звуке была вся боль его пятнадцатилетнего одиночества. — Значит, не морок. Не сон.

Он резко повернулся к машине.

— В какую сторону поехали? — его голос стал ледяным и собранным. — Быстро, Арина!

— Туда! К заливу!

Мирон забросил меня на пассажирское сиденье и сам прыгнул за руль. Мотор взревел так, будто это был живой зверь, жаждущий крови.

— Папа, ты её спасешь? — спросила я, пристегивая ремень дрожащими руками.

Мирон не ответил. Он смотрел вперед, туда, где за серой пеленой дождя скрылся черный «Мерседес» его заклятого врага. Но по тому, как побелели его костяшки на руле, я поняла: на этот раз он не отступит. Пятнадцать лет лжи подошли к концу. И если для того, чтобы вернуть маму, нам нужно будет пройти сквозь новый пожар — папа пойдет в него не раздумывая.

Мы сорвались с места, уносясь вглубь Каменного острова. Где-то впереди, в стерильной тишине клиники или частного

самолета, Павел Куприянов праздновал свою победу. Но он не знал, что за его спиной уже дышит яростью Малаховка.

И на этот раз огонь будет играть на нашей стороне.

Глава 14(Павел)

(от лица Павла)

Кабинет пах озоном, дорогим табаком и концом света. Моего личного, тщательно выстроенного мира, который я возводил по кирпичику последние пятнадцать лет.

Я сидел в кресле, не включая свет. В Петербурге стояла та особенная, тяжелая ночь, когда небо кажется низким потолком, а воздух — влажной марлей. Единственным источником света была раскрытая пасть сейфа. В его недрах, среди ценных бумаг и договоров, лежала куча мусора, которую моя жена — моя Ева — посмела вытащить на свет.

Я смотрел на её старый паспорт. Обгоревший по краям, с порыжевшими от времени страницами. С фотографии глядела девка. Слишком живая, слишком простая, слишком... Таисия. В её глазах был тот первобытный блеск, который я годами вытравливал из неё, заменяя на безупречную, ледяную меланхолию петербургской аристократки.

— Неблагодарная, — прошептал я, и мой голос прозвучал в тишине кабинета как лязг скальпеля о металлический лоток.

Я был хирургом. Я привык отсекал гнилое, чтобы спасти целое. Пятнадцать лет назад я провел самую сложную операцию в своей жизни — я ампутировал ей прошлое. Я вытащил её из навозной кучи, отмыл, одел в шелка, дал ей свою

фамилию и статус богини. А она всё это время прятала в глубине своего мозга занозу по имени Мирон.

Я встал и подошел к камину. В нашем доме камин был редкостью, данью классике, которую я позволил себе при строительстве. Я щелкнул зажигалкой. Огонь — это самый эффективный антисептик. Он стерилизует всё.

Один за другим я бросал документы в пламя.

Бумага неохотно скручивалась, чернела, буквы вспыхнули синим пламенем и рассыпались пеплом.

Я смотрел на огонь и чувствовал, как внутри меня устлавливается ледяной порядок. Я не изменник и не злодей. Я — творец. А творец имеет право уничтожить эскиз, если он начинает портить картину.

Я взял её старый паспорт. На мгновение моя рука замерла. Из-за спешки — а я торопился, потому что Семён доложил о присутствии Мирона на острове — я не заметил, как из обложки выскользнула крохотная, пожелтевшая фотография. Она была меньше спичечного коробка. Таисия, совсем молодая, держит на руках крошечный сверток — Арину.

Карточка спланировала на ковер и, подхваченная сквозняком от камина, юркнула глубоко под тяжелый плинтус из темного дуба. Я не увидел этого. Я бросил обложку паспорта на огонь и наблюдал, как она корчится в агонии.

Всё. Прошлого официально больше не существовало.

Я подошел к рабочему столу и нажал кнопку селектора.
— Семён, ко мне.

Он вошел через десять секунд. Как всегда, бесшумный, как тень, и исполнительный, как медицинский робот.

— Павел Андреевич.

— Что с Антоновым? — я не оборачивался, глядя на дорагорающие угли в камине.

— Его пикап зафиксирован на Каменном проезде. Кружит вокруг особняка вторую ночь. Сегодня утром он встречался с девчонкой, Ариной, в кафе. Они что-то обсуждали. Антонов выглядит... взвинченным.

Я поморщился. Запах деревенской ярости просачивался даже сквозь мои тройные стеклопакеты.

— Этот человек — угроза общественной безопасности, Семён. У него наверняка нет регистрации, а его автомобиль не соответствует экологическим нормам города. А еще... мне кажется, он угрожал моей жене.

Я повернулся к начальнику охраны. Семён понял меня с полуслова. Ему не нужны были уточнения.

— Понял вас. Сделаю один звонок полковнику Макарову из ГИБДД. Пикап задержат для «выяснения обстоятельств» на посту. Найдут пару неоплаченных штрафов или подозрение на поддельные номера. Сутки в отделении Антонову обеспечены.

— Сделай так, чтобы он не смог даже приблизиться к мосту, — отрезал я. — И подготовь борт в Пулково. Мы улетаем сегодня в пять вечера.

— А Ева Николаевна? — Семён на секунду замялся. —

Она в состоянии... лететь?

— Ева Николаевна больна, — я посмотрел на него так, что он сразу опустил глаза. — У неё рецидив психического расстройства. Острый психоз на фоне старой травмы. Я уже связался с нашей клиникой в Швейцарии. Там чистый воздух, покой и полная изоляция от внешних раздражителей. Подготовьте бокс номер четыре.

Швейцария была идеальным решением. Моя клиника в Альпах — это золотой гроб для тех, кто слишком много помнит или слишком сильно мешает. Там её никто не найдет. А через полгода терапии она забудет даже то, как её звали в детстве. Я сотру этот сбой в её программе. Я вылечу её, даже если для этого придется выжечь ей мозг добела.

Утро наступило серое, промозглое. Я вошел в спальню Евы.

Она лежала на широкой кровати, бледная, почти прозрачная. Глаза были открыты, но взгляд был устремлен в потолок. Она больше не плакала и не кричала. Она ждала.

Я сел на край постели.

— Ева, милая. Нам нужно уехать. Доктор Горохов считает, что петербургский климат пагубно влияет на твою реабилитацию. Мы летим в Альпы. Помнишь, как ты любила те горы на фотографиях?

Она медленно повернула голову. Её взгляд сфокусировался на мне. В этом взгляде не было любви. Там была ненависть — чистая, концентрированная, как кислота.

— Ты сжег мои документы, Паша? — прошептала она. Голос был хриплым, безжизненным.

— Я уничтожил твой бред, Тая, — я специально назвал её настоящим именем, чтобы увидеть, как она вздрогнет. И она вздрогнула. — Ты должна благодарить меня. Я освободил тебя от этой грязи. Твой Мирон сейчас в полиции, он обычный неудачник, уголовник. Он никогда не даст тебе того, что дам я.

— Ты даешь мне только смерть, — она попыталась приподняться, но я мягко, но очень сильно прижал её плечи обратно к подушкам.

— Я даю тебе покой.

Я достал из футляра готовый шприц. Горохов подготовил состав: коктейль из мощных транквилизаторов и нейролептиков. «Химическая смирительная рубашка». После этого укола она будет послушной куклой ближайшие двенадцать часов. Достаточно, чтобы довезти её до самолета.

— Не надо... — прошептала она, и в её глазах на мгновение мелькнула та самая Тася. Маленькая девочка из Малаховки, которая боится темноты.

— Ш-ш-ш... — я аккуратно ввел иглу в её шею, в яремную вену. Я хирург, я не промахиваюсь. — Это просто витамины, Ева. Спи. Когда ты проснешься, над нами будет небо Швейцарии. И мы начнем всё сначала.

Я смотрел, как её зрачки расширяются, поглощая серую радужку. Мышцы лица расслабились, рука, вцепившаяся в

простыню, обмякла. Она еще была в сознании и могла идти.
— Семён! — крикнул я, не оборачиваясь.

Через минуту начальник охраны и двое крепких парней были в комнате.

Приготовьте машину, мы уезжаем. Если кто-то из персонала увидит — скажете, что везем на экстренную диагностику.

Я вышел на балкон. Внизу, за деревьями парка, я увидел мелькнувшую тень. Девочка. Арина. Она стояла там, прячась за липой. Я видел её в бинокль — она сжимала телефон и смотрела на наши окна.

«Слишком поздно, маленькая дрянь», — подумал я с ледяным удовлетворением.

Я взял под мышки Таисию и стараясь как можно быстрее повел ее к мерседесу.

Я видел, как Арина дернулась, явно порываясь выбежать, но страх или благоразумие удержали её.

Я затолкнул Таисию в машину и сел рядом с ней.. Её голова упала мне на плечо. Она пахла лавандой и лекарствами. Моя идеальная женщина. Моя победа.

Машина плавно тронулась, ворота особняка поползли в стороны.

В этот момент мой телефон в кармане завибрировал. Сообщение от моего человека из Твери. Того самого, который когда-то помогал «замять» дело о подмене тел.

«Павел Андреевич, у нас проблемы. Следственный комитет возобновил дело о пожаре в Малаховке. Пришел аноним-

ный донос с деталями, которые знали только мы. Горохова вызывают на допрос завтра. Срочно примите меры».

Я почувствовал, как по спине пробежал холод. Анонимный донос? Кто?

Я посмотрел на спящую Еву. У меня не было времени на раздумья. Пулково, самолет, Швейцария. Нужно исчезнуть до того, как система, которую я так долго подкармливал, начнет переваривать меня самого.

— Семён, гони в аэропорт, — приказал я, сжимая руку Евы. — Быстрее.

Машина рванула с места, унося нас прочь от Каменного острова. Я не знал, что в этот самый момент наперерез нам, нарушая все правила и законы, летит грязный пикап из Малаховки, а под моим плинтусом в кабинете лежит маленькая фотография, которая однажды разрушит всё, что я построил.

Но пока я чувствовал себя богом. Богом, который успел захлопнуть дверь в рай за секунду до того, как там начался пожар.

Глава 15(Мирон)

(от лица Мирона)

Двигатель моего «Доджа» ревел, как раненый зверь, заглушая шум дождя и частые всхлипы Арины на пассажирском сиденье. Я вцепился в руль, чувствуя, как через промокшую повязку на ладони просачивается кровь, делая кожу руля скользкой.

— Папа, быстрее! Он же скроется! — Арина прижала телефон к стеклу, словно экран с результатом ДНК-теста мог пробить дорогу сквозь питерские пробки.

Я не отвечал. Внутри меня всё вымерзло, осталась только одна четкая, вибрирующая цель — черный «Мерседес» с номером, который я выжег у себя на сетчатке. Куприянов увозил мою жену. Увозил женщину,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.